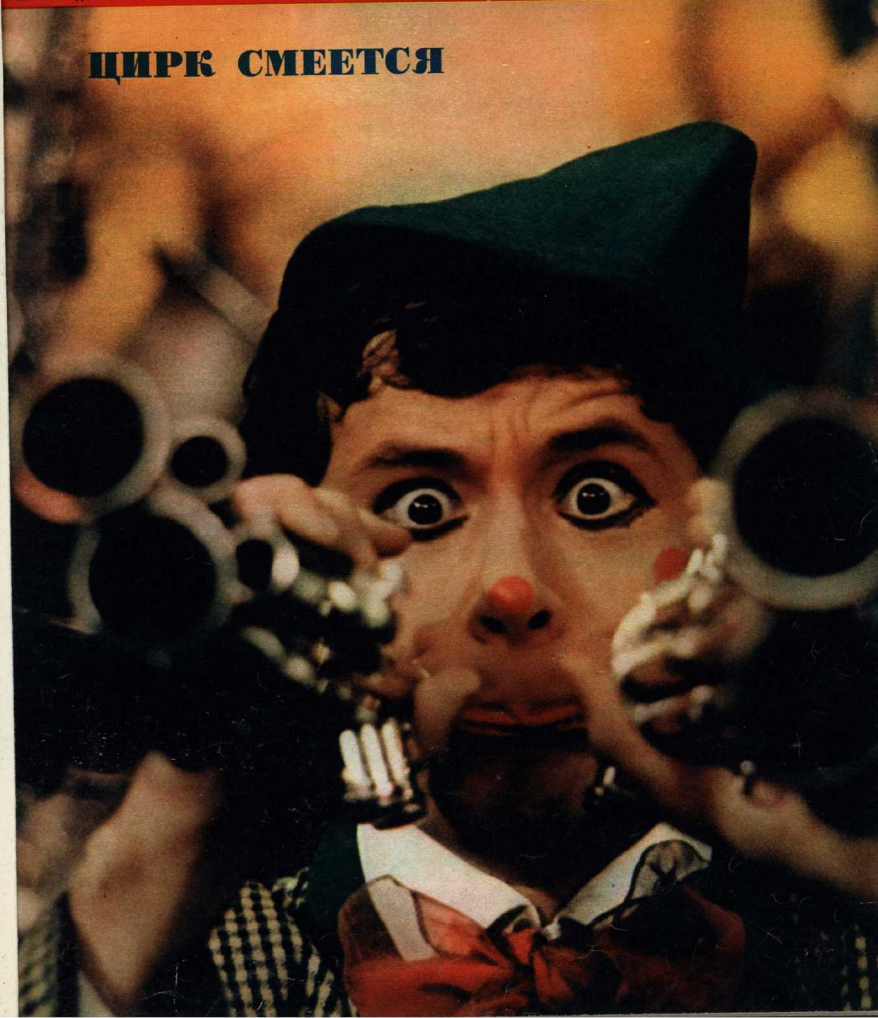

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

ЦИРК СМЕЕТСЯ

Экспериментальная смена

С исполнением обязанности управляющего трестом «Тюменьгазпромстрой» Анатолием МАНДРИЧЕНКО беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид Плешаков

Комсомольско-молодежное строительство в Тюмени, возводившем на севере тюменской тайги поселок Светлый, рассказано немало. Позволяю в этом отношении и тресту «Севергазстрой», который вырос на базе управления и стал одним из двух комсомольско-молодежных трестов в Тюмени.

Комсомольско-молодежные — бригады, звенья, участки — дело не новое. Но вот целые предприятия такого типа созданы в стране впервые. Не удивительна поэтому популярность, которую синхронно оба треста, тем более, что работают они хорошо.

Строительство на тюменском севере — из-за местных климатических условий и необщитости района, где всякую стройку приходится начинать с нуля, — дело трудности чрезвычайной. Естественны поэтому поиски новых форм освоения зренских богатств.

Комсомольско-молодежные предприятия — в ряду этих поисков.

Хоть время, прошедшее с момента их создания, и невелико, все-таки уже сейчас можно показать первые итоги, можно сказать, что удалось, а что нет из тех обширных планов, которые строились при рождении молодежных трестов. ЧТО ускорилось, а ЧТО отложено или вовсе не осуществлено, не оправданно объективными обстоятельствами.

Примерно таким, был круг вопросов, которые и зачерчивала задат Анатолием Мандриченко, человеку, который был одним из создателей комсомольско-молодежного строительного-монтажного управления и треста «Севергазстрой», которому довелось руководить ими.

— К сожалению, — сказал он, — я не могу утверждать, что наш эксперимент с комсомольско-молодежным предприятием осуществился полностью — так, как мы его задумали. Определенные успехи при строительстве Светлого могли бы вскрыться голую. Но если бы оценить трезво, то напрашивается вот какой вывод: идея создания комсомольско-молодежных предприятий реальна и очень своевременна, но осуществление ее — дело непростое.

И если уж говорить дальше, то создание комсомольско-молодежных предприятий — новшество в комсомольской работе — нуждается в подробном, всестороннем анализе и грамотном, обоснованном планировании. Вызвать такое дело только на пороге небольшой группы энтузиастов невозможно.

— Вы говорите, Анатолий, об этом эксперименте либо в прошедшем, либо в будущем, но ведь у меня есть еще и настоящее. Сейчас работает комсомольско-молодежный трест, который является наследником того управления, что строит в Светлый.

— Такое название треста — скорее программа на будущее, чем его настоящее. Пока что он по форме, ни по содержанию не является комсомольско-молодежным. Сейчас это — самое обычное строительное подразделение...

«Уточнение» Мандриченко и его максимализм по отношению к делу, о котором идет речь, которого он был, располагая и подробному разговору. Итак, несколько страниц истории.

Рассказывает Мандриченко:

«В середине шестидесяти годов в Харьковском университете, на физико-техническом факультете, где я в то время учился, сложился очень сильный студенческий строительный отряд. Поначалу я не имел и отряду никакого отношения, так как был гораздо старше своих однокурсников, да и двадцатилетний стаж пратической работы (из них — восемь лет на инженерных должностях) позволял смотреть скептически на все эти амальгамы доктринальной теменнику, поет инженерно-строительных институт.

Стоило, однако, мне поближе познакомиться со студентами, и я стал самым горячим его сторонником и участником. Два лета мы ездили строить в ценные совхозы Казахстана. Коллектив ко всему этому тресту стабилизировался, набрал опыта, укомплектовался кадрами. Появились у нас свои механизмы, владели, монтажники, механикостроители. Я, инженер-строитель, стал его командиром. Так что, когда летом 1966-го году было ехать в Тюменскую область, в Урае, мы уже могли не только предложить свои рабочие руки, но и определить необходимые ресурсы, предложить эффеитивную организацию работ, исходя из специфики студотряда.

В Урае наш отряд достиг баснословной производительности, ибо мы четко отработали, нарядный цикл, выходя на самый оптимальный режим, распределяя людей так, чтоб не было простоев и заравов. Построили много. Но ураэицы запомнили нас еще и по концертам, пенсиям и тому духу студенческой коммуны, который жила в коллективе...

На день строителя я на Урае приехал первым секретарь Тюменского обкома ВЛКСМ Геннадий Шамал. Стали мы с ним анализировать результаты, которые дали вот такую высокую производительность в сочетании с большой воспитательной работой, проведенной отрядом, и как-то само собой возникла мысль: а нельзя ли создать комсомольско-молодежное строительное управление, которое бы работало и жило по принципам студенческих отрядов, но было бы в то же время государственным предприятием?

В октябре 1966-го идея выкристаллизовалась окончательно, появился у нее и ярый сторонник, на помощь которого всегда можно было рассчитывать — Юрий Петрович Баталин, бывший в то время главным инженером «Тяжмашнефтегазстроя». Он вместе со Шмалем предложил мне организовать и возглавить будущее управление.

— Вы сказали, что идея выкристаллизовалась окончательно... Что вы имели в виду, стало окончательно ясно, какой будет эта строительная организация, как будет работать, где, какими средствами...

— Да-да, именно это.

Предлагалось создать коллектив, опираясь на комсомольский принцип и методы добровольцев. Это должно было быть мобильное строительное подразделение, которое приходило на голое место и начинало работу с нуля. Только молодежь, не обремененная семьями, домом, с зарплатой, не привязанностью к определенному месту, а временной работой для нее неприхотливостью к временным

бытовым неудачами, способна была успешно сыграть роль пионеров и в дальнейшем, по окончании строительства объекта, пополнить эксплуатационный персонал надежными и стабильными кадрами.

Но в то же время мы отлично понимали, что нужно будет создать на такой стройке и микроклимат, который бы отвечал ее специфическому, молодежному составу. Нужно было позаботиться об обеде строителей, их отдыхе. Причем это должны были не просто клубы с кинофильмами и лекциями, не просто вечерняя школа. Сам коллектив, сами люди должны быть подобраны так, что даже их общение между собой уже обогащало бы каждого, было бы интересно каждому.

Примерно на такой основе складываются лучшие студенческие отряды. Любой коллектив уже только тогда, когда состоит из ядра индивидуальности, личности, способных дополнить и духовно обогащать друг друга.

— Но формировать такой ансамбль не просто... Конечно, это было трудно. Но мы надеялись, что, создав костяк из таких вот живущих по Уставу комсомольско-молодежного коллектива, мы сможем вокруг него формировать уже всех остальных.

Вот за этим костяком я и полетел в ноябре 1966-го года в Харьков, где мог, как мне казалось, среди своих друзей по прежней работе и учебы найти энтузиастов, которые поддержат эту идею.

Сразу же возникли затруднения, которые мы не предрдели. Приказ о создании комсомольско-молодежного строительного-монтажного управления еще не было. Лично я числился главным технологом треста «Шамалгазстрой». Никаких официальных полномочий по нашей силе я не имел. Но тем не менее 86 добровольцев все-таки выехали в Светлый на свои собственные деньги, потому что не существовало пока управление не могло им выдать поддельные.

Только шестью из всей группы порабатали в свое время в студенческом отряде, для остальных это было новым делом, но они ни за что.

— А что из себя представляла в то время Светлый?

— Его просто не было. Был возвышенный песчаный платок в девственной тайге, рядом с красивым озерам, в шести километрах от газового промысла Пунга и в 180 километрах от ближайшей железнодорожной станции. Мелководный угол. И в прямом и переносном смысле. Первая группа строителей подняла из берлоги медведя как раз в то место, где вырос впоследствии Светлый.

Сначала жить пришлось в палатках. Потом по зимнику перетаскивали вагончики и поселились по 18 человек в каждом. Зимой на морозе, а весной

а воде рубили тайгу, прокладывая «дорогу жизни» от Путиж и Светлого.

22 июня 1967 года, как говорится, заложены первые камни Светлого с активным участием студентов Луганска и Краматорска.

— Анатолий, вы сидели в самом начале, что нужно было не только построить поселок, но и создать коллектив. Первую очередь работы вы уже построили и сдали. Но как шло выполнение второй задачи? Справлялись вы с ней?

— На этот вопрос не ответить однозначно. Хотя история строительства Светлого чрезвычайно коротка, в ней нетрудно проследить несколько этапов, и на каждом ответы будут разные.

Первая группа строителей полностью сохранила дух студенческого отряда. Мы жили, можно сказать, по его Уставу: «сухой закон», обязательная общественная работа, обязательная учеба для всех моложе 30 лет, если они не имели среднего образования. Выработали и утвердили Устав комсомольско-молодежного управления.

Первые жилые здания в поселке назвали под кошель. Мы построили кафе «Бомарки», которое становилось по вечерам нашим дискуссионным клубом, театром, концертным и лекционным залом — в общем, всем.

Носителями, или, вернее, хранителями студенческого духа, были те восемнадцать харьковчан, что прибыли первыми.

— И все-таки там весело и азартно начинавшееся дело через три года, по вашим словам, зашло в тупик. Почему, Анатолий, это произошло? Может быть, весь этот эксперимент подался противникам, может быть, с ним поспешили?

— Нет, он необходим. Он возможен. И условия созрели. Я даже думаю, что мы unnecessarily долго возмись с его осуществлением. Время уходит, и нет практически никаких рекомендаций и достаточного опыта по созданию комсомольско-молодежных предприятий на Севере. А ведь им (и в этом уверен) осваивать богатства Тимона.

Строить в здешних условиях разумно только мобильными, высокоорганизованными, технически оснащенными строительными организациями. Строить по-старому нельзя. Это дорого. Это — строительство «большой кровлей», «большой болью».

Решить, когда мы не располагали современной высокопроизводительной техникой и нынешними транспортными средствами, скорость строительства в этих местах определяла количество рабочих рук. Современная техника позволяет обойтись меньшим их числом.

Пионеры готовят условия для следующего отряда строителей, который, «садясь» на обжитое место, сразу может вести основные работы или, если это эксплуатационный, эксплуатировать промышленный объект. А строители-перепроходцы уходят на новое место.

Такова примерная схема.

— Ее вы и пытались осуществить в Светлом? Но вот вы говорите, что строить «какой кровлей» не всегда удается. В чем же причина?

— Если посмотреть на работу нашего управления с производственной точки зрения, то к своим заданным мы справились блестяще: плановое задание выполняли на 160—170 процентов. Построили хороший поселок двухэтажных благоустроенных домов, с теплицей, школой, клубом, кафе, магазинами и прочим, необходимым для жизни сооружениями. Пунтинские газосиловы, я думаю, останутся довольны.

Но ведь мы должны были создать, кроме всего прочего, строительную организацию пионеров, мобильную, хорошо оснащенную техникой и умелостванную специалистами.

Не скажу, что с самого начала идея наша была иллюзорными. Но все-таки многие наши надежды оказались иллюзорными. Наш «хэзизин» — «Платоменский нефтегазстрой» видел только конечную задачу — построение поселка, а промежуточные — создание особого коллектива, традиций в нашем управлении — все они уходили на второй план. В первой организации нам в этом не было оказано должной поддержки. нас оставили как бы не самовыживающимися. Своего опыта у нас не было, и познать его у других было невозможно: наше СМУ было единственным в стране.

Глава заставляли текучие дела. Он и нес негрузила текучкой.

Мы стали задыхаться не от объема работ, а от дельциса составленной для нас программы. В начале года наша искусственно заданная программа, в конце его корректировали в сторону увеличения. Мы перевыполнили персональную программу в 2—2,5 раза. Но это нас не радовало. Вель от первоначального плана рассчитывался на год и фонд зарплаты и все материально-техническое снабжение. Мы быстро справились с программой

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Наша область жила: вытупки
Государственного училища цирково
и сценического искусства Владе
рий МОРОЗОВ. Его любимые жан
ры — клоунада и музыкальная экс
цетрика.

Фото Мирослава МУРАВОВА

Репортаж «Наш уютный дом» читай
те на 20—22 и страницах.

6 АЛИМ АБДРАШИТОВ.
ОЧЕРК О КОММУНИСТЕ
ИВАНЕ ДУРНОВЕ.

12 «ВЫСОТА». РЕПОРТАЖ
СО СТРОИТЕЛЬСТВА КО
СТРОМСКОЙ ГРЭС.

16 СНЕЖНЫЕ РЕЛЬСЫ НА
СКЛОНАХ ГОР.

24 «СИЛУЭТЫ»: АЛЕКСАНДР
БЛОК.

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 24 (1046)
ДЕКАБРЬ
1970

МЕРА ЖИЗНИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«БЕСЕДА С ПАРТИЙНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ»,
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КП БЕЛОРУССИИ
П. М. МАШЕРОВ О ПАТРИОТИЧЕСКОМ
ВОСПИТАНИИ

КАК РОЖДАЕТСЯ ТРАКТОР. РЕПОРТАЖ
С ХАРЬКОВСКОГО ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
ФОТОРАССКАЗ, ПОСВЯЩЕННЫЙ КАРПАТАМ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОНАЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Домлятовский, К. Н. Замощки,
Р. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответс
твенный редактор], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора],
Е. И. Рыбченко, Г. В. Соколов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный
художник]

Художник Г. С. Терзубашянц

Технический редактор Н. И. Будкина

**МИР
МОЛОДОСТИ**
 В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

ПЕРВОПРОХОДЦЫ
Фото Геннадия КОПОСОВА

и, «съев» материальные ресурсы, потом сидели на «голодном пайке».

— Почему же это происходило?

— Главная причина — давнее соперничество нефти и газа. Нефть — всему голова. Газ — в роли пасынка. Среднее Приобье с его нефтяными месторождениями-гигантами определяет всю строительную политику в нашей области.

У нефтестроителей программы большая, напряженная, но она определена и обеспечена с начала года. Нашу же годовую программу обеспечивают в январе документацией всего на 10—12 процентов. Тут уж не до экспериментов. Дай бог свести концы с концами.

— Но, вы так не менее выполняли план...

— Искусственно заниженный.

А отсюда пошли многие остальные беды.

Мы хотели создать особый коллектив. Со своим укладом жизни. И в первое время это получалось. Расчета мы достигли в 1963 году. Но увы... Неравномерность программы в течение года заставляла в «лихие» принимать на работу всех желающих. Ехали по комсомольским путевкам. Прибывали демобилизованные солдаты. На программу «длинного рубля» летели шабашники и откровенные «бичи». Последних гнали в три шен. С шабашниками приходилось мириться. А у них что главное? Работа до упаду и прочие блага. Все идет через призму копеек. Студенческий отряд «Греда» — отличные ребята из Краматорска и Луганска — здорово нам помогал, но он приезжал только на лето.

Особенно трудно было с инженерными кадрами. В управлении, которое проектировало и строило своими силами, работало всего три инженера: начальник, главный инженер, начальник ПТО. Помощи извне, которую мы ожидали от комсомольских организаций, так и не последовало.

Так коллектив, круто замешанный на высокой требовательности к себе, стал разortваться в массе случайных людей. От мелких проблем человеческим слабостям перешли к тому, что весь наш устав внутренней жизни был постепенно забыт.

Сначала часть парней отказалась от учебы. Потом «разморозили» старый закон, снизивась требовательность к нарушителям дисциплины, а потом пошло...

— Неужели пионеры не смогли своим примером заечь других?

— Первое время, когда новички приходили к нам после какого-то отбора и небольшими группами, первоначальный дух Светлого удавалось сохранить. Но потом управление выросло до 500 человек, а число «основателей» поселка все время снижалось.

— Сколько сейчас «старичков» в Светлом?

— Двадцать шесть... Но и это только одна из причин. Мы говорим: незаменимых людей нет. Я убежден: есть. Каждый человек незаменим, если он на своем месте.

В первое время комиссаром у нас был Володя Кравцов. Так мы его звали в память о студенческом отряде, где он занимал этот пост, официально же он работал в Светлом заместителем начальника управления по быту и вел всю общественно-политическую и воспитательную работу. Это был опытный комсомольский работник. Энергичный, с выдушкой. Ему мы обязаны многими интересными вечерами, диспутами, концертами.

Но Володя уехал. Его преемник был молод и неопытен. Следующий имел опыт, но работу не любил, все его усилия были направлены на то, чтобы устроить себе жизнь поспокойнее.

Понимаете, концерты, диспуты, радиогазета были нужны в Светлом не только слушателям и зрителям, но и их авторам. Они были необходимы им самим для выражения их творческого начала. Попадав в человеке эту творческую жилку — и он превратится в безынициативного работника.

Когда мы устраивали в «Комарнике» споры, какому быть Светлому, каждый мог выступить со своим предложением, обосновать его, защищать, спорить. В этом споре принятие чего-то предложенного было даже не самым главным. Главное заключалось в том, что человек, как равноправный член коллектива, как ХОЗЯИН поселка, мог высказывать свои соображения. И даже если их отвергали, с ним спорили как с равным, не ставя под сомнение его ПРАВА ХОЗЯИНА.

И вот это чувство хозяина, чувство своей причастности и своей нужности общему делу больше всего держало людей в Светлом. Как только люди почувствовали, что они здесь нужны только как рабочая сила, только как лишняя пара рук, — Светлый перестал быть ИХ личной стройкой. Он превратился в самый обычный поселок с трудны-

Владимир ШЛЕНСКИЙ

Не знаю: еще много или мало
ночь земных промчится надо мной.
Живу через Дорогу от вокзала,
болею прикозальной суетой.

И слышу я в потоке объявлений:
«Брест. Бухарест. Варшава. Минск
Берлин...»
Сошлись пути времен и поколений,
и оказалось: путь у нас — один.

Отсюда узодиш знаменой,
смотрела вслед Москва во все глаза.
Запомнил батальоны и знамена
мой Белорусской западной вокзал.

Отсюда баба провела деду,
не думала, что в бесконечный путь.
И если будет надо, то уеду
я туда же путем когда-нибудь.

Я шел сюда на первое свиданье,
а после на последнее спешил.
По жостам, как по залу ожидания,
шагую — обычный пассажир.
Вокзал — мое пристанище и правда,
мой траверс и мой борьба...
Я сплоскаю голову, куда отстраняет
меня теперь трагическая судьба.

Суздаль

Здесь отчий дом, родный кров,
искусный облик колоколен.
Стою, Молчу. Не нужно слов.
Вот всей Руси

Здесь чиста душа великий корнем.
Здесь чиста душа великий корнем.
Вода чиста тут от рождения.
Глаза задумчивой книжки
в ней находили отраженье.
Сюда в давно забытый век,
глаза от невестки сузы,
козачий совершая набег...
Но все ж стоит,

как прежде,
Суздаль!

О предках память беретуй.
И яичке, перелуга даты,
глядит в ступенную реку
черезушка,
как книжка когда-то...

На Пресне

Я опять упаду на траву,
будет сердце в груди биться гулко...
Я на Пресне с рожденья живу,
намусть знаю все переулок.
Стало меньше дворов проходных.
Время снится заборах, сараях;
в коридус, что встает выносу их,
носоксель и сводьбы играют...
Представляю:
мой дом опустел,
свет не всплывает в раскрытых оконках.
И дремлет меж обдоранных стен
голова возвратившихся кошек.
Разрезает пласти темноты
неустойное луное око.
Как сверкает,

раскрывшие рта,
в небо смотрят чердачные окна...
Я все чаще в полнотной тиши
среде заросших брону парксадов
на контурной карте души
отмечаю своих адресатов.

Прачка

Вот твердою рукой намечен контур
и краски приготавливает мастер.
Печальные глаза глядят с иконы,
чуть голову склонива бояль матер...
А мастер кисти в долготный ящик спрывает,
последний блик
на лини усталый ляжет.
Натурщицей была соседня-прачка,
но об этом никому не скажет...
Оклад украсят золото и жемчуг,
чтобы потом народ смотрел влюбленно.
Иконописни лица русских монахинь,
что ни глаза —
то образа Рублева...

А бояль матер — прачка молодая —
спрывает на иконы, в чем-то казсь...
В святых своих черты не узнавая,
народ молится на себя веками...

Андрей ЧЕРНОВ

Московскому школьнику Андрею Чернову едва минуло шестнадцать. Он еще очень молод. Но бесспорно одно: Андрей обрел от природы политическим видением мира. Детство его прошло в семье историка, и отец рано заронил в душу сына интерес к прошлому и будущему Отечества. Верится: первые стихи Андрея Чернова — обнадёживающее вступление в жизнь, в молодость, в искусство.

Георгий ЛАДОНЩИКОВ

Землепроходцы

Хлопы в еловые береты,
Продрогнув, аслезы до ушей
И затнувшись сигаретой
Сырые, таявшие шапкашей.
Сельм горюхонтов под ногам.
Как ике крути, как ике верти,
Сельм дией в густом дождливом гапе
Тебе попомню ниди.
Положено самны собою,
И выбраю самны собой.
Ведь ты всю жизнь, как перед боем,
Ведь ты всю жизнь идешь свозь бой.
Устал, но брисиет — Ну в что иел
Промок, сорвал, что не совсем.
И снова дин на дали амюшши,
Как в первом классе сельм на сельм.

Ленинграду

Желтым воском стиниут
Древности следы.
Срфисны без пустыни,
Снорь без воды.
Пыют туманы на Невском
Камениные льды.
Старый крейсер фрезий
В тумане Невы.
В бешмете комлто
Бьет столетым свет.
Медный царь без свиты
Не издает флот.
Город мой лобный!
Шпагу мне отдай!
Замер равлеином
Остров Голодай.

Город

Журавли подьманных гранов
Ничаат детон-журавлят.
Из осеннего тумана
Тускло лампочки горят.
А знает всю пыль земную
Бросил в тумачу дождем.
Облава в дугу согнула
Неба синий водоем.
Но, запутавшись в движение,
Расплыли неон реклам.
Отмервет город время,
Перевеси каждый грамм.
Перевоанный бетоном,
На вернувшей дель назавд,
Темно-алую короной
Отпускается зават.

Модель

Жужоань кордовых моделей
Четвертый день стонт в ушах.
И небо летит на пропеллер,
Как стайер, таяло дыша.
Пашляя летела тень по полю,
Но оборался тонкий трос.
И он из рук скользнул на волю,
К закату встонуя острый нос.
Никто не правил самолетом,
Сам поворачивая рули.
Законы птичьего полета
Его на тушу повалил.
Потом над самой головою,
Как зверь, попавшийся в силки,
Пошел и просилу с тоном водем
И так зрубился в аскальон...
Дурман зфиря астал над ромьом,
И мир, казалось, обрел.
И, как запертый ныне дорожный,
Луна сидела на стоибе.

Рисунки Алексея ПАПКОВА

АЛИМ АБДРАШИТОВ

ван открыл глаза, и яркий дневной свет сначала осветил его, а потом тугой, ноющей болью отдался в голову. Он пытался зыбнуться рукой, но чуть не асфальт от вторичного удара ушло в спину, и опять тяжело забытые заволочило все. Потом он снова почувствовал свет на глазах, открыл их и увидел около затвуров две половинки белой замаскированной, «где? да как сюда попал? Погребком повернуть голову и не смог — болью колющую в спину.

Иван стал припоминать. Ну да, вчера, побой был вчера, он пришел на работу в заводской форме. В проходной встретил молодого рабочего Алексея Матвеева. Когда расклялись по своим местам, Алексей хлопнул его по плечу, громко сказал: «Ну что, наивный, помолодежь Иван, кивнул, ему стало как-то веселее от этого дружеского жеста. Он несколько минут смотрел, как трясился в своей беззаботной лирике сита. Прямо перед ним выросла огромная фигура мастера Егорова. Тот вот кто, ползая-ка, смеясь подышкинни верного транспортера».

Иван молча повернулся и пошел к лестнице. Он вспоминал, что всегда с опаской забирался наверх по этой лестнице. Старая, шаткая, она предательски вздрагивала под ногами от его движений. Как-то сказал об этом мастеру, тот отмахнулся: «Э-э, не убоисься». И вот он опять так надежен, и только протянул руку с масляной, лестнице, трещну, пошла из-под ног. Иван и сейчас, лежа в постели, почувствовал, как мучил, и как от страх этого падения протрясся в сердце и сокала тело.

Он снова забылся. И как во сне услышал сильный мужской голос:

— Это кто? На кой сюда пришел!

— Вчера ночью, рабочий с мельзавода. С лестницы упал, разбился.

Отвечала женщина.

— А узнали, что лечить за его лечение будет?

— Нет, не знаю...

— Зачем же тогда принимали! Немедленно уберите. Если хозяин платит отмазку, пусть забират из больницы. Сегодня же, вы же знаете: для них есть специальная лечебница.

Иван понял, что попал в городскую больницу. Э-э, не для рабочих.

...Но Иван оставили в больнице. Как он потом узнал, рабочие во главе с Алексеем Матвеевым пошли к хозяину и потребовали, чтобы тот оплатил лечение. Увечья у парня тяжело — сорванное легкое, поврежден позвоночник. Без надлежащего лечения пропадет. Да и разбился Иван не только по вине мастера Егорова.

Пришло хозяину платять за больницу. Но выговорил-так условия — не больше месяца. Три месяца, всем апрельским днем Иван вышел из больницы. Солнце пригревало его на шуту, снега на улицах почти не осталось, ветер с Амура пил в город весеннюю свежесть. Суета-шум Народу на улицах много. Был Иван еще слаб, шатался нетвердо, разглядывая прохожих. Около завода остановился, решая заглянуть в контору. В коридоре возле кассы толпились рабочие, ждали поутку. Он сразу увидел Алексея Матвеева, тот крепко взял его за руку в своей сильной ладони и, как всегда в шее, с размаху хлопнул другой рукой по плечу.

Иван любил Матвеева. Алексей был высок, крепкого сложения, над широкими плечами возвышался круглая красная голова с густой шевелюй тёмно-русый волос.

Полтора-два года да назад. Тогда Иван из подматывающих за прилежание перевел в шестилетний колхоз. Ивану не исполнилось еще и двадцати лет, а Алексей уже был опытным рабочим, помощником бригадника.

На мельнице работало тогда много подростков, их охотно брал к себе хозяин, хотя немало квалифицированных рабочих не могли найти места. Иван не понимал почему хозяин не взял на работу Андрея Степанова, товарища его старшего брата, тоже вернувшегося с войны, а Колыку Архарова, ровесника Ивана, пришил. Спросил об этом Алексея.

— Ну, это, брат, ясно как божий день. Ты сколько получаешь в неделю? Рубль и двадцать копеек. А у меня на твоём месте отдай два с полтиной. У меня разряд, мельничик на побитую машину, а мне не свелась. Тебе и рубль, двадцать копеек, еще и поковыришь бы намешь от радости, что взял. А работать будешь, как и все, — по 12 часов каждый день. Ну так что: есть выгода хозяину брать жидкотелого? Или солдатого? Или тоже вловину меньше, чем мужику, платят. Да в жизни с ними меньше. Не хочешь работать, ты же не жидкий — пошел он. И поидешь, Ваня... Или нет! Умри-так будешь, бестовар!

Он замолчал, а потом вдруг сказал:

— Нет, брат, не научился еще мы этого делать. А вот в Центральной России умеют за себя постоять.

Вскоре после этого разговора Иван попал в больницу.

И вот он снова перед ним. Еще слаб, но уже не так раб из страха. Только боялся рассуждать, вызвал, посылал, что его вызывает хозяин.

— Уже узнал, что я здесь! — мелькнуло в голове Ивана.

Хозяин сделал бы предположи:

— Знают, здоров, говоршиш. Смотри, рожу какую наел за мои деньги. Я считал, мы в расчете. Можешь больше на мельнице не появляться.

Иван не пошел до сих пор, а тут, когда окреп, Матвеев помог ему устроиться на другой мельзавод, и Алексея.

Это было в феврале 1917 года. А 27 февраля в цей, где работал Иван, вышел рабочий, показал всем листовку. Это был экстренный выпуск баговещеской газеты «Эхо». В листовке сообщалось, что царское самодержавие свергнуто...

Время пошло во весь опор, но давая передливости. Буря пронеслась весть об Октябрьской революции. Радостно встретили ее рабочие. Но новую народную власть надо было отстоять в жестокой борьбе.

Хозяин сделал смелый маневр велел всем рабочим собраться в очистительном чехе элеватора, там меньше шуму, сказал, что будет выступать оратор — большевиком. Высокий худой мужчина взобрался на огромный деревянный ящик, поставленный вместо трибуны, немного поджал, пока еще утихнул, и начал говорить.

Он говорил, что по железной дороге на Чугу свозят железнодорожники Банды Семёнова, и Приморье не споконно, что Советскую власть и свою свободу рабочие могут отстоять только с оружием в руках. Закончил свою речь словами:

— Кто готов за нее драться с врагами, прошу записаться в Красную гвардию. Подходите ко мне.

Он прыгнул с ящика. Стояла тишина. Иван размышлял недолго.

— На другой день на завод привели винтовки и берданы, раздали красногвардейцам. Масляничник мельзавода Ивану Дурнову доверили зашивать рабочую одежду. Он уже не был подростком, а человек с опытом, он исполнил сему.

Семью Иван получил боевое крещение в уличных боях с японцами и белогвардейцами. Потом партизанил, спас одного из боев уцелил от гибели брата Андрея. В Забайкалье вместе с амурскими партизанами громили банды атамана Семёнова и барона Унгерна и вернулся в свой город бойцом 3-го Амурского повстанческого полка Народно-революционной армии, в котором прослужил четыре года.

...Иван Михайлович откровенно от она, взглянул на Морозова. Тот взглянул на немца, полке, положил под голову огромный желтый портьфель. Дурнов улыбнулся. Вот первый его помощник — бухгалтер будущей МТС Василий Кондратьевич Морозов, портфель, который тот став, — самое первое приобретение, какое они сделали в городе из первой же суды, отпущенной на строительство машинно-тракторной станции. Оба они тогда пришли к одному выводу: какой же бухгалтер без портфеля!

Утром пятого в поезд поехали в райком партии. Дурнов открыл дверь в кабинет секретаря, увидел, что секретарь райкома Шихов на месте, приложил руку к козырьку:

— Директор и бухгалтер Завитинской МТС прибыли на работу.

Вечером в сельсовете собрали народ. Иван Михайлович только собрался говорить, как широколицый крепкий старик, сидевший на лавке перед ним, в первом ряду, громко и зло сказал:

— Ездил, ездил всякие, же жий-то дурной приехал.

Все засмеялись. Иван Михайлович переждал шум, спокойно сказал:

— Дурной ли, не знаю, вам судить, а вот что Дурнов только что мне фамилия.

Он начал рассказывать, зачем они приехали, и когда стал перечислять преимуществ, которые даст машинная техника колхозникам, тот же старик вдруг начал говорить на крик:

— Слушать вас уксус маторно. Брешуть, брешута, а что толку. Тыф! — Он плюнул почти под ноги Дурнову и вышел из сельсовета.

Разговоры в сельсовете не получились, как ни старался Иван Михайлович. Саха Бабя, молодой эдешний тракторист, попытался выправить положение: собрал вокруг себя молодых мужиков.

Поздно ночью они выехали из села. Иван Михайлович долго молчал, завернувшись в тулуп, потом заговорил с погонившими лошадей бабями:

— Черт знает, что у них тут делается. В райком же Шихов высказал, если сам не знает. Пока ты парней агитировал на тракторы, я с председателем сельсовета говорил, у некоторых колхозников побывал. Председатель колхоза — безвольный тип, паникёр, его немедленно менять надо. Заправляют всем несколько негодяев и рвачей, слабо никому не дают сказать. Воруют, ташат все себе, на трудящие людям получать нечего. Старика Горюченко, вонка смеются над ним. Всеми продастелем променяет, речин говорит, а проку нет. Извернулся человек, не знает уж, где и правда.

Наша с тобой задача, Саша, заставить старика Горюченко и других из этого села поверить в правду. Колхоз и в новую его технику.

В феврале в МТС начали съезжаться колхозники, решившие учиться на трактористов. Все собралось человек шестьдесят. Разместили их по частным домам в Завитин, а вот заниматься негде. Угнетили немного старую мастерскую, навозили тулуп сена, развесили плакаты по устройству трактора, и стал Бабя проводить занятия. Час занятия же в шесть минут, его проблема, «для соргани». Потом практическое вождение на «фордозан». Иван Михайлович вместе со всеми, ему тоже надо знать трактор.

В мае Иван и Андрей они начали строить — на Тракторостроительном центре пришли деньги на новую ремонтную мастерскую и гараж. Тут в полную силу развернулись способности Морозова. Он когда-то работал в сельсовете, его знания, советы были не только не лишны.

ПРОМ СНИТ В ПОЛОЖАК

Станислав МЕЛЕШИН

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Черный зашпаклеванный по брешам дом под голубой шапкой снега, с аккуратным забором, над которым, как железные прутья, растопыривались тонкие ветки яблони, насторожил их своим молчанием.

На крыше из снега выростал высоко розовой столб дыма, будто согрелась голые морозные небо, значат, дома кто-то есть.

Когда они заскрипели калиткой, их встретил мохнатый с облачками пара над мордой Джек и бросил над ноги, завесив веселой цепочкой, протруженно заляпал, по-собачьи радуясь и жалусясь: вот, мол, все его со-всем забыли.

Кто-то пригнул лицом к огню кухни и отпятинулся.

«Тещи!» — определила Иван и стукнул ногой в дверь, она распахнулась и ударилась о выступ стены, пролупотала их в томую приколку.

Пылава крикнула молдочниц: — Принимай гостей! — и с трюкотом опустила чеподаны.

Дородная, испуганная неожиданным приходом тещи Марии Андреевны, превалившись к печи, расторопиво сгнала перед ними, хитрящая поворотом руки и часто моргая глазами. Мелкие капли слез текли по ее румянцам большим цюкам, и она, тяжело вальдая массивную туду, вдалома, причадила:

— Да миленькие вы мои, сырты деннаглядные! Да как же это вы надували! О господи, зота бы оповестила!

Гадом с нею в широких жестяных листах важно покочились подовые широг.

«Во гуляем!» — отгнетя Пылава и встретилась глазами с тещей.

Филипп Васильевич сидел перед столком в большом кресле, опершись рукой на вилку, сердито молчал, разглядывая обид, ожидая, наверно, когда закончатся «оки» шумной хозяйки. Другая рука, положенная на ш-

рокые листы «За рубежом» и «Экономической газеты», подрагивала. Он был похож на седого нахохлившегося коршуна. Когда Иван встретился с ним глазами он подлился, засопил, в дымной потопе, кудруге, и, словно ничего не произошло, пронесен домашним скрипучим голосом:

— Ну, здравствуйте, хорошие... Кым! Кым!

Иван обрадованно засмеялся и ответил: кто больше, что тещь вместо приветия возьмет да и поглядит лавкой на милую душу, приговаривала: «Что же это ты, сукин сын, женился, дочь мою увел и ни слуху от нас и ни духу! Даже о приезде не известили!»

Филипп Васильевич разгадал сизые усы, протаянув руку.

Наталя повисла у отца на шею и расцеловала его, он легонько оттолкнул ее, асестался врозь.

— Ну, ну... Дай-на я на тебя погляжу.

Разглядывали вместе с Марией Андреевной. Наталя стояла перед ними чистая, сияя счастливыми черными глазами, в сером модном платье, в темных сапожках и косе на их оценивающие взгляды. Отец смотрел ей в глаза, мать же часто останавливала свой взгляд на ее же животе.

Наталя краснела.

Услышав печальный голос отца: «Ничего. Кым! Спрашиваю», — она бросилась деловито показывать многочисленные пожары. Иван помогал ей и все поглядывал на Филиппа Васильевича.

Бывший главный бухгалтер завода, теперь пенсионер, стоял как на смотром домашнем главкомандующим и равнодушно разглядывая разномженное добро, словно это было в нормале женей и деловитее тут кочему! И лишь при виде толстых пачек фотоского табака его глаза свернулись, потептели, и он добродушно крикнул:

— Вот это угодили! Как по сердцу поглядели! Ну будет, будет, мать, накрывай на стол!

Среди воагласов и суматохи Иван все недоумевал, поглядывая по сторонам, почему это не видно Паши в доме и о ней не говорят ни тещь, ни тещь. Спрашивать о ней было неудобно, он только ждал, прислушиваясь, в надежде услышать ее голос, смех, стук каблучков и увидеть ее такой же веселой, яркой, какой оставал год назад.

Тихо, по ритуалу, словно священнодействию, уясился за богато уставленный стол. Иван успел шепнуть раскрасневшейся довольной Натале, мол, что это она она! Пашиное молчат, спроси, где она, и, уздабался во весь рот, стал рассматривать пишущее изобилие. Жарная селетка в окружении лука, колбаса и сыр, плавающие друг на друге лопухие гурды, соленые капуста, огурцы, помидоры и яблони, борщ с желтым жареном, жареная картошка и в большом блюде большие куски вареного мяса голуба курца, посклаки вверху, ломти хлеба и рыбные широг! Боку стола, а по рыбным коцкам, как часовой, — граненые стаканы, в четвертах — домашнее красное вино.

Уже были обговорены «о приезде», «за встречу», «будем здоровы», пили и насыпавшие молча, и над всем этим пиром покоились тинина дома молчанье дестин, тещь комат — все добротное, домовитое и нерушное.

«Во живуй! Как напоказ!» — подумал Иван и услышал удивленный голос жены:

— Куда же это вы Паши-то спрятали? И молчите про нее, будто ее и нету!

Разговор начался.

Филипп Васильевич опрокинул стакачик, разглядывая усы:

— А куда ей от нас деться? Жила и здоровья Пашичка. Вот год вы молчали, а за это время...

Мария Андреевна перебила его:

— Он в суматохе-то мы про нее и забыли! Пашичка у нас, слава богу, теперь самостоятельная, замуж вышла! И ажи бог послал короткого Сергея жьвать. Поехали они в Ломовку, я слахе моей потогости. Завтра должны возвратиться.

Филипп Васильевич заметко опянул.

— Печала как прошла. И уже по ним соскучился. А свадьба... свадьба частичная была, шумная.

Мария Андреевна тараторила:

— Он ведь у нас тот самый, такой весливый, обходительный, ну, как смлочки родной. Вот сами увидите. А ж Паши-то как замуж вышла, расцвела вся... И веселая, и поет, и от Сергеички ну ни на шаг!

Иван заглядывал Натале в ее прямо-таки лучистые счастливые глаза, радовался, когда она мягкой ладонью поглаживала его по щеке и, кинув на стену, подливал рюмку.

Филипп Васильевич допытывался:

— Машинкой какой не обвезаете?

— Им... Очередь, три года ждать?

— Пока только эскизаторов!

Тещь подыал как собой рот. Стало тихо. Вытер и распранил усы, объявил:

— Все! Больше — ни капли! Слышу звоночек.

Тещь рассмеялась:

— Сестоди можно и без звоночек обобитам!

— И-нет! У меня закон: как звоночек прозвонит, так и приказ: довольной Балас! Организа на страже! Ставь печат и — подлиннее! Ажур!

И пошла веселая болтовня.

У Марии Андреевны выпала заплюки на волос, и они распустились на крутые злечи. Она это порывалась снить что-нибудь, но мелпала рюмка в руке. Отгна глоточек, она торопливо кого-то предупредила:

— Не перебивай! Вот рюндя и двух додеру, замуж выйдла. И теперь у меня полный дом мужик!

Филипп Васильевич останавливая ее:

— Погоди, мать!

Окончание. Начало в № 23.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Но раскрывшейся теще все было известно.

— Не перебивай! Так Пашика-то у нас тоже? живёт? С зятком Се-
режной — ну ангелы оба!

Филипп Васильевич досадливо крикнул, пошарил вокруг себя, но, ни-
чего не найдя, зачем-то надел очки. Глаза его сразу горестно затуман-
ились, и он махнул рукой:

— А, я и так помню! Вот слушай-ка, что я вычитал! Получает царь
Петр Великий бумажку, а в ней прописано... в тысячу семьсот двадцать
первом году «Дорогой мой брат Петр Лисенч. Уж наша Сибирь подарок тебе
внесла. Могучие кладбища горючих камней, кои дучернее согреть
России-матушки. Изволом пушу те уголья тебе на провер. Береги изво-
дщиков. К сему крестныи крестной Михайло Волков».

Тестя заулыбался довольный, словно это он сам открыл в Сибири Куз-
нецкий угольный бассейн в девятьсот миллиардов тонн, и забавь про за-
ночек, нашла ромку водки.

— И берг-коллегия доложила Петру, мол, находка весьма ценна! А те-
перь и памятник Волкову поставь. Вышежь за Волкова и за нашу землю!
Вот ведь какой герой был!

Иван чокунулся с Филиппом Васильевичем, но пить не стал — не хоте-
лось. Так и одуреть можно. Перед глазами встали карьеры горы Же-
лезной, его обжитый экскаватор, посылался чугуный скрежет пу-
стак думпикаров. Сердце томительно ежилось. Да, кончатся его гора-
горщины...

— А еще что я вычитал.— Тестя хитро прищурился.— Слышала я, что
гора Железная у вас... того... кончатся. Настает конец — куда вы?
Пылава нахмурился, подумал, как это тестя сумел угадать его мысли.
Да-а, Филипп Васильевич не так-то прост. Душка и умни. И проговорил:

— На мой век хватит! Еще останется,— и откинулся на спинку стула.

Ему хотелось возражать, доказывая, что это враки, что Железная нико-
гда не иссякнет, что еще не все изведано ее кладовая, но он остановился,
посчитав себя не вправе решать за Железную, тем более он и сам не знал,
сколько руды в ее могучей утробе и на сколько лет ее хватит. А самым
главным было то, что об этом говорить по живой заводке не совсем удоб-
но. И вообще гор железных по всей стране изволом!

Он тронул Наталью за плечо, предупредил со смехом:

— Я — уже! Пойду на своем диване поваляюсь.

И кивнул погретившему Филиппу Васильевичу:

— А о Железной мы еще поговорим!

На душе было туго. Он уловил в его интонацию боль о том,
что, кроме привета и обильного угощения, родственник в этом доме ничего
не было, а со стороны это виделось так, как будто он с женой приехал

и кому-то просто в гости. И еще не давало покоя то, что тестя упоминал
о Железной с улыбкой, с ехидной, хотел застигнуть врасплох и вызвать
на открытость.

Сон приходил мезленио. В голове гудели колокола, и Пылава то возно-
сился, то проваливался куда-то. Он неспокойно ворочался, вставая подпу-
жку, потом улегся поудобнее, и в закрытых глазах послышано затрещали
цветные громы. Опять он летел в самолете, но уже навстречу сияющей
вдали хвостовой молнии, и когда она разорвалась перед самым лицом,
самолет ухнул вниз и развалился, а он оказался один около спящей Желез-
ной горы в мрачной болоте карьера, где вокруг, куда ни ступи, изволом
огромные глыбы руды, которой хватит на всю жизнь. И Наталья он уви-
дел в этом сне. Она стояла на вершине горы вся в белом английском синици
и звала его, протянув руки над головой. Он подумал: «А-а! Это я привел
ее показать место, где работаю. И обещал!»

По рудным глыбам были разложены букеты цветов, он стал собирать
их в охапку и, крича: «Я сейчас! Доберусь до тебя! Доберусь! Только ты
не уходи! Подожди!» — стал подниматься по ступеням карьера с цветами
в руках, на встречу, навстречу Наталье.

Простудил он неожиданно.

Комната была погружена в темноту и тишину.

Наталья стояла перед ним и глядела его спутанные вихри.

— Ну, ты и кричал! Как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

— Тебе нравится здесь?

— Воюсь, закорит.

— Это не понравит.

— А и тебя но сам видел.

— Кричал-то от страха, что ли? Меня испугался?

— Нет. Потерять боялся. К тебе бежал.

Наталья развела волосы и распустила их по плечам, расмаяла
тыло, потом сомкнула губы, что-то вспомнила.

В ее лице ничего не было хитрого. Просто она видела, как он метался
по сне, и сейчас хотела отвлечь его, успокоить.

— Ударил завтра по кино?

Он удивился: «И ты не так проста» — и сбился ее. Ударил! Это его сло-
вечко! По каким еще делам ударять все эти многие дни, которые придется
прожить в городе? Лыжи, карты, шахматы, кино, походы по родственным-
кам... И, ко всему прочему, ребяческим тайное желание: собраться как-
нибудь и съездить в Тулам, на их знаменитый угляни, съезд в экскава-
тор, погулять карьер и в порядке обмена опытом поавать ревичским
горнякам своей железнорогской клас!

Под утро дом содрогнулся: стучали в ворота, дребезжал звонок, зашелся в радостном лае Джек. Визгу за окном заскрипели ворота, хлопнули двери и раздались толпы каблучков. Иван проснулся и, откинув голову на руку, прислушиваясь к шуму и к повозкам, и, когда узнал громкой, сощелкнул со смехом глаза Паны. Морде его вздрогнуло.

— А мы первые автобусом! Орлово-воевода. Сереженка, ушки не отмогрозди! Славно погостили! Не отпалли уши?

Раздался звонкий мальчишеский смех и предупредительный возглас Марии Андреевны:

— Тыше! и! Гостей разбудите!

Визну притихли и перешли на шепот.

— Кто кричал?! Наталья! С Ваней! О-о! Работники!
«Придется вставать. Все в сборе! Теперь не утешить!» — И Иван, поджавшись, стал быстро одеваться.

По лестнице, что веела в верхние комнаты, застучали каблучки — лестница зашлепа. Паныля в желтом цветастом платье раздвинула портеры и, притоптывая дымку, выпалила:

«А вот и мы, ребята!»

И Паныля встретился с ее глазами: «Подобере. И глаза стали круглее, темнее. Задумчивое, что ли...»

Он подошел к ней и проигрунул руку:

«Здравствуй, Пана! Как в сборе! Сейчас я как мужа своего покажу!»

— Не сестра, а золовка! Волюшка — буйная головушка! — Паныля расмеедлася и положила руки на живот. Было заметно, что она беременна.
«Значит, привмыслила уже! Не датеши жар-птицей!»

Похляпая лукаво:

«А ты поправилась!»

Она вспынула, заглядела румянцем, приспустила и, обрадованно схватила руками его щеки, неожиданно влезла ему далеко не родственной поцелуй и заметила:

— А ты серьезный такой стал! Старожень!

— Это кто моего мужа целует? — подала нарочито гневный голос Наталья, облокотившись на подушку.

— Ой! Когда мы уехали, я была такой психованной, такой психованной — будто с дедушкой воевала. Сейчас я как мужа своего покажу! И, кричаво жила под портерами: — Сереженка! Сюда! — бросилась к сестре, они прижали друг к другу, взыгнув оба, спелелси и заплакали, как сыропы.

Иван засмеялся, недоумевая, чего они зарывали, вроде раньше-то и портеры особенно не боялись, впрочем, оттого, что сейчас у них судья пороноу: кто амужем, а глосит они просто для утешения, мол, все равно теперь жизнь пропащана.

На лестнице кто-то степенно затопал, поднимаясь к ним, и Паныля представилась: «Сереженка, Сереженка — эвакий громада, ростом хоть могольно, осклябился и синкохотливо толкнет ладонь в плечо, мол, ты меня не бойся, сын люди, но перед ним предстал тот худенький, угловатый паренек в черном пиджаке и галстуке бабачоний, угнедившийся легкой мышью на белом вороньем рубашке, паренек, которого он видел по Железной горе и своему тромче воев громохочущему окскавтору.
Там он был у места, и не канючила мысль о том, что же ему еще в жизни надо. Хоть бы Наталья рожала скорей, что лип Славно было бы — сынал.»

Он присел на дынак и покотуля радиоприемник: в нем на какой-то волшебной волье скрипка мотала душу, на другой кто-то басом воевал ошчал о том, что вот плышт пыльные убочки, и все тут, на третьей — комментаторы под стрелот телебашня пережилали международные собития.

В мире, как и у него на душе, было неспокойно, ему повелелся школьный глас с пожарища войн на меридианах, в голову застучали, взорвались выстрелами и разрывами бомб люда, «ОАВ», повелелся труд, паника, плач, пламя, и подумалось, как решенное, о том, что благодать Америке не победит... Он читает газету!

И все, о чем гремел радиоприемник, тоже входило в его жизнь, и он искал в этом свое место.
На кухне воело ховодильница воесла большая политическая карта мира с раскрывающимися размерами земными шарами. Паныля все время сидел за столом спиной к Америке. И вот висит эта карта со всей своей политикой, и он иногда кидает один-другой взгляд через плечо на конец американского континента и белую Антарктику, а меж ними, представляе себе, пролегал какой-то Дрейк...
Спрашивать у Филиппа Васильевича о Дрейке было неудобно, в мыслях менялся Железнодорож и Речевск, степи, горы и леса, а тут какой-то Дрейк.

Карта была старая, и Паныля думал, что, на-вряде, какой-нибудь ирландец кораблекрушением, и назвал этот несчастный пролив его именем.

В общем, не увалжал он Америку, и ему представлялось, что если она пойдит на нас войной, то непременно кинется с Аляски, и держал эту мысль в голове, словно он один жила об этом.

Он прошептал: «Вот жила бы в Армаке любовь», выключил радио и поидлялся навстречу Филиппу Васильевичу. Тест присел на дынак и раздвинул одоо метельки усов.

— Что это ты, Иван Петрович, как я посмотрю, вроде недоволен чем?

Иван пожал плечами.

— Да нет, И! Все мдоволено. Вот сложилось по комнатам, на двачелкие организм отлежана, в бапксирские пеня вынкаво. Все хорошо, а все-таки поря порочиваться оглобди домыл.

— Случно у нас тебе?

— Ладно уж как! — подала голос Наталья.

Сергей надол очил и серьезно ответил:

— Нет, зачем же... И пью и курю. И вот... женился.

Паныля подала к Наталье, и они, обнявшись, зашнукались о том, какна из какого материала она пришла, и как она располнела.

Паныля повнезапно степенно зложил руку Сергею на плечо, мол, чего там, порядок, и пожался, что тот ему в товарищи не поидеит. Вот и подарка никакого ему не привае, а сейчас, перебирая в уме бедешушки, гадал, какой же для него изобресте подарочко, но ничего не мог придумать: никогда ему не приходилось одаривать артиста.

Ну, вот и встретилсь, все на месте, в сборе. Скоро все соберутся и заведут на чель, а там, где он задулет, и так будет продолжаться много-много дней, и жить нужно будет рядом с другим, о чем-то говорить и с утра думало, о чем разговаривать и чем заняться... Каждый день Паныля будет торчать перед глазами, и каждый день он будет ей завидовать, за завидовать тому, что он еще худенький и веселый, видеть его счастья, улыбку, похвалывающийся своим неадаптом муженьком, слышать его приторно похвалыбу: «Да, как же мне его не любить? И ведь тут его сердца за километр слышу!»

Вот Умерла теперь для него Паныля. Отлетела жар-птица.

С этим теперь придется примириться и еще примириться с глумлюм-каделем, что его в чество обиде, и носить в душе неприязнь, с его чистеньком, выглаженному мальчишке, народный директор, с его вежливостью и сверкающей улыбой глаз под очками, когда он рядом с Панылей, и раздражение, когда за обычно установленным столом доволнаний Филипп Васильевич поддергивает рамку, провозглашает всем здравие и чокнется первым с покрасневшим от счастья Сереженкой, и до цемпейте тоски захочется повзвучать судьбу по обратным рельсам к железнодорожному степному призыву, где днем и ночью ухажри повсвиставет штатомый ветер-слезоветиль.

Он понимал, что его раздражение и всякие переживания от бедады, оттого, что не к чему приложить руки, а может, и оттого, что не к чему приложить душу.

IV

Через несколько дней Паныля затосковала: накатили на него тугостные настроена, места себе не находил, и не было никакого пресвета.

Шагая на комнаты в комнату, дыма сигаретный, он с тоской поглядывал на старую молчаливую Наталью, которая делала все восторженные взгляды и все не решалась сказать ей о том, что, мол, горя округлится, что больше он в этой деме не выдержит.

Он у емошей казнил себя за протрельную мысль, что встреча с Панылей и Натальей, две сестры в его жизни, были словно как два железных бота, на один из которых ему должен был свистать несчастный вышришт. Вот — вышла. Наталья. С нейю — жизнь. Теперь все они породицились с семейной тучкой зрени, но осталось не менее важное в этой жизни — стать родным дедушкой, и с тещей и с очкастым Сереженкой, а если говорить коротко, воевала Наталья с Натальей.

Он подошел к ней и заявил, как определил:

— Делать здесь нам больше нечего. Давай-ка возвращаться. Повиделся — и хавити.

Наталья вынула руки из корыта и, стяхивая пену, удивленно спросила:

— Обратно домой? Да что ты, Ваня?! Только ведь приехали!

Паныля рубанул голову ладонью и отрезал:

Душа не на месте. Соберайся!

Наталья тиче амсмыслася и предложила:

— Случно тебе — так возьми песни или послушай радиоприемник.

Он задыхал чело и опустил руки:

— Ты что? Изаеваешься!

Наталья понасмелась и замолчала. Устало, с обидой произнесла:

— Ладно, Ванечка: как скажешь, так и сделаю.

Да, нинкуда не денешься от усталости на душе, от змнней сытой тпичины, от бедадельного времени, в которое человек погружен словно в тубуску-Вану, от злуды, от злуды, сердце зрени режет тоска по родному городу, по Железной горе и своему тромче воев громохочущему окскавтору.

Там он был у места, и не канючила мысль о том, что же ему еще в жизни надо. Хоть бы Наталья рожала скорей, что лип Славно было бы — сынал.

Он присел на дынак и покотуля радиоприемник: в нем на какой-то волшебной волье скрипка мотала душу, на другой кто-то басом воевал ошчал о том, что вот плышт пыльные убочки, и все тут, на третьей — комментаторы под стрелот телебашня пережилали международные собития.

В мире, как и у него на душе, было неспокойно, ему повелелся школьный глас с пожарища войн на меридианах, в голову застучали, взорвались выстрелами и разрывами бомб люда, «ОАВ», повелелся труд, паника, плач, пламя, и подумалось, как решенное, о том, что благодать Америке не победит... Он читает газету!

И все, о чем гремел радиоприемник, тоже входило в его жизнь, и он искал в этом свое место.
На кухне воело ховодильница воесла большая политическая карта мира с раскрывающимися размерами земными шарами. Паныля все время сидел за столом спиной к Америке. И вот висит эта карта со всей своей политикой, и он иногда кидает один-другой взгляд через плечо на конец американского континента и белую Антарктику, а меж ними, представляе себе, пролегал какой-то Дрейк...
Спрашивать у Филиппа Васильевича о Дрейке было неудобно, в мыслях менялся Железнодорож и Речевск, степи, горы и леса, а тут какой-то Дрейк.

Карта была старая, и Паныля думал, что, на-вряде, какой-нибудь ирландец кораблекрушением, и назвал этот несчастный пролив его именем.

В общем, не увалжал он Америку, и ему представлялось, что если она пойдит на нас войной, то непременно кинется с Аляски, и держал эту мысль в голове, словно он один жила об этом.

Он прошептал: «Вот жила бы в Армаке любовь», выключил радио и поидлялся навстречу Филиппу Васильевичу. Тест присел на дынак и раздвинул одоо метельки усов.

— Что это ты, Иван Петрович, как я посмотрю, вроде недоволен чем?

Иван пожал плечами.

— Да нет, И! Все мдоволено. Вот сложилось по комнатам, на двачелкие организм отлежана, в бапксирские пеня вынкаво. Все хорошо, а все-таки поря порочиваться оглобди домыл.

— Случно у нас тебе?

— Ладно уж как! — подала в гостях, а дома...

— Ну, не больно-то давно из дома. Давай-ка срамыса с тобой в шахматы, побеседуем о чем-то...

В шахматы Паныля играть умел, хоть и не настолько, чтобы «сражались», и слывши поигрывать, и тереть чело на обдумывание ходов. Ему неудобно было обгырывать Филиппа Васильевича, и он заведомо подставлял ему выигрышные фигуры.

Первую партию Иван с удовольствием принимал. Тест, от радостного смущения, степенно воевал, и выдвигал свои на шахматной доске, все время болтал приговорами, Иван же молчал, хоть игра и его увалкала тоже. Торпиться было некуда, за окном — ночь, мороз, а здесь тепло, свет, вкусный сигаретный дым.

Мысли о себе и гостевании не давали покоя, мешали играть. Вот так и шла у них эта шахматная игра: воссиянция тести и его дурневная мота — все время смучу.

— И я свободно разрешаю партнеру рокировку!
— Итак, глумством конен. Та любовь кончилась. Увиделась с Панькой. Но теперь я не люблю ей и Серенькие, их счастливого детскому салу. И ачае и сюда приехал, на чудный, ж чужим, а существи, душа? Маша чиста перед глазами?»

— Стратегия твою очень даже видна...
— Все это время душа пустовала, или что-то в ней оставалось. И ничего отсюда мне не было. Просто я деревенская из Железногорска в Рецене на время, как на коммате в комнату, и жил среди других людей.

— Два года в кармане иметь, это... джугит!
— Интересно, неужели это так всегда бывает, когда человек не прощодит, когда человек совсем выключается из жизни? Но даже Помпур без работ!

— Сделал бы ход слоним и — мир во всем мире!
— А может, я просто эгоист хоча? Ну, конечно. Мне бы для жизни еще одну Железную гору найти... да чтоб рабочая горстка была не только по количеству, а чтобы была белой жемчужной, не проходила, как пропала Дрейна... да жить широко, как летать... А то вот только во сне и приходится... Шах!
— Шах! М-м...

— Конечно, Пашка была когда-то красотой моей жизни, но и Наталья... она у меня прямо скажем — мечта! У нее каждое словечко, как золотое колечко... Ма!

— Господи, доведи твою до смерти, у кого денег много и жена молодая! А все дело в том, что я, наверня, работая душа выключался... Конечно, оно, выграв!

— Разставлю! Ходи, Ванечка!
— Четыре пешки — конья!

— Мята? чердачные. Иван отвлёкся от своих мыслей, когда тесть заставил его подыть вверх руки, но и он не сдавался, и они заговорили азбейкой:

— Немедленный ход! — очевидный ход! Тут даже думать не нужно.
— Подумать не мешает.
— И что мне от этого будет? —
— А вот и посмотрим... Хоть полветка обойдешь — лучше хода не найдешь!

Они играли до утра.
Филипп Васильевич, проигравая, скрывалась все вверх, как пшк, сердилась и отчаянно стучал по столу кулаком, фигуры мешались, падали.

— Вста! Мать, ты не спишь? Чай будешь пить.
— Сонная теща стояла у двери и закручивала в узел волосы, седые у висков.

— Дах ведь все я думаю не спит. Стучите и стучите. Конка и то от испуга в окно смотрит — убежать куда.

После шахматной баталии Филипп Васильевич предложил:
— Завтра сходим-ка мы на Обры-камни, подымим искелодом. На гору, на заводи с вершиной поглядим. На высокх ветрах и беседах душевно.

Пашеву не хотелось хотя бы сейчас огорчат тестя, и он лег спать. Рассмелся.

— Ну что ж. Обрыл так обрыл!

V

Огромное зимнее небо со звонкой синевой расплывалось над городом Реценском, опираясь на тяжелые горы в зеленых осыпях шубах. Дома, улицы, металлургический комбинат с дымными трубами, заводская ледяной пруда, мосты и прокопные — все будто вышло из рук и расположились в своей солнечной долине с туманами, паром и уютными дымками над старинными избами.

Пашев знал, что город и завод очень стары, были заложены двести с лишним лет назад на реке Белой, на вольных баширских землях, купленных заводчиками по дене мешиной конции за десятичу.

Его Железногорку было всего сорок лет, так что по сравнению с Реценском он еще молодой человек, и если даже раскопные горы, леса и воды, то у них только степи, река Урал и единственная гора, зато сплошь зеленая. Годило то, что по их округам прошел с армией Емельян Пугачев, а воем — Реценск и ставилую крепость. Магнитную. А это, приятное сердцу, было такое дело: реценский завод много года кормился итчейной железнорудной рудой, пока не открыл свои рудники на Ту-Кане.

Иван Пашев и Филипп Васильевич шли по зимнему тропику городу и разглядывали дымный от мороза, оштенный от снега асфальт, вешники окон, где в стеклах плавилось солнце, ялы — старик и молодой парень, жители разных городов, и меж этих городами была громадная разница в годах и еще в том, что город Пашева был нов, молод, красн домикодворами, кварталами на полстени, заводом-гигантом, воздвигнутым всего за каких-то сорок лет уже при Советской власти, город же Филиппа Васильевича был историей, старинным уральским деревянким городком — двустолетним делом.

Пашева удивляло, что тесть его молчат, покашливают, хмурятся, и они посмеялись:

— Тесть, а тесть! Скажи что-нибудь.

— Заглянем на базар.

Они шли по второму обходу улицы, словес утрабованные стурбох с фиолетовыми пятнами по бокам от вечернего солнца, и жесткий снег вылезал из них под ногами. Под ними темнела от множества черных шабшух долина и все ж курлился синевяными дымками.

— А вот в этом домике, Иван Петрович, и появился на свет! — Филипп Васильевич остановился, задыхая и показав на неказистую избу в одно окно у дороги.

— Теперь там другой его в моей избе качается. Сколько их народилось почти за семидесять лет.

Солнце успокаивало мороз желтыми лучами, и только холодный ветер пощипывал щеки.

— Далеко это Обры-камня? — спросил Пашев и поспешил.

Филипп Васильевич обернулся, вытирая слезящиеся глаза, кинул назад, на какие-то стены-забор и густой осыпной бор, мол, там, и Пашев понял, что базар-тесть совсем не интересен, а пошши они в этом направлении

совсем в другую сторону от Обры-камня, чтобы он похвалялся домом, в котором был рожден на белый свет.

Они приближались к берегу и за черно-зеленым тяжелым кедром и изабом-березовым тучным, напоминающий вид трактора то тракту или шум фабрики на перекрестке дорог, и чем ближе они подходили к берегу, тем громче слышались размахи шума, словно за толстыми медными основными стенами равноравночной и трудилось что-то могучее в своем рабочем.

Это дышал завод.

Филипп Васильевич и Иван Пашев спустились по лыжке к открытому простору огромного замершего руды и встали на баалтовом ребра берега.

Каменной глыбы — Обры-камня Иван нигде не видел и, оглядясь навишне вокруг пруда горы, вопрекитоно заглянул на старина. Тот подлигнул и заземелся довольный.

А мы стоим на нем стоим!
Обры-камни! Обры-камни! Обры-камни! Издал в лед и словно застыл согнутой каменной глыбы спиной, и по черным фигурам пешеходов там, внизу под обры-камнем, на синих стенах, Иван понял, что они стояли на самой его вершине.

Морозный ветер хлестал пощединками, воздух снег, сосны и берег звенели в и молчали массивных тазенных гор было что-то затанное, древнее и плающее. Все вокруг выделось громадным — не открытым, не походям на фотографии.

Черный завод с трубами, будто распоязав льды, поднялся из пруда и развернулся по дикому берегу своим лед горой, на которой возвышались зданиями разных многоэтажных Реценск из солнца, стекла и света, и дымками из труб и дымами из домов город соединил светом и небо.

Они стояли на Обры-камне, вели оккупированный раговор.

— Иван! А спецалисты, а ставельеры?
— Кто в 1911 году от нашего завода присажали рагоры и возники на рудой на гору Железную. И так несколько лет...

Тесть просто заглянул на зять: мол, нашел, чем удивить.
— Зато когда ваш город и завод ставались, тысяча рабочих рук прибыло к вам. А спецалисты, а ставельеры?

— Ну, они со всей страны прибывали.
— У вас какие пеха теперь?

Тесть не сдавался:
— Иван! Стаи перечислять. Он назвал домейные и маргеновые.

— А прокатные станы?
— ЕСТЬ! А сейчас новый мощный «2500» поставлен!
— И вольничный стая есть?

— Да вольничный и даже сталелероудочный стей!
— Ага! Ты какой марки чаша носишь? — спросил Филипп Васильевич и хитро прищурил глаза.

— «Победа». Шестидесять камней!
— Ну вот! Наша продукция в них!
— Да чу!

— Вот тебе и ну! Плююна часов Советского Союза заводится нашими журиками!
— Вот здорово!

— Вот на этом самом заводе я проработал сорок лет и четыре года... Хм!.. Вухтером!

— Да... Филипп Васильевич! Это и очень даже понимаю. И тут вы меня не бо лютяи!

Тесть, стоя на вершине открытой всем горам ветрам, Ивана потянул к тенду, к солнцу, к заводским пехам, он услышал горячие дымящие дымы, порогмывающие шум и звук, вспомнил раговоры о том, что завод этот, развернувшийся на берегу дзвсти лед назав, посылал и зимой и летом подводы и дальнюю степь за желанной рудой. Но не степные станы вставали сейчас перед глазами, ему только преставились и тутанная стуха от зной пыльная степь, расквашенная жарой, уезжающие под намыем дороги, и наравы толел, нагруженные железнными глыбами, растопившиеся на версту, и бесшумно тапнувшие от ватуги лошади, словно жесая мырваться из хомутов, и возники — тот малый рабочий народок на большой бесконечной земле, который молча дгнал наравы в катящиеся желтом обрине пыли. Оздаленной музыкой в ушах слышался некончаемый скрип, ривание, голоса, будто все земля, все большой степь скрипела и ухаа, прогибалась под тяжестью железной руды.

Филипп выдохнул, думая о том, что хоть его жизнь и продолжается, а вот гора Железная, кормилица, кончается — остался он, экскаваторчик, вскрыть два последних надземных горизонта в восемь миллионов тонн руды, а под ними — уже только мрамор. Ему там и представлялось, что такая железные горы непременно стои на мраморе, как памятник природы.

Теперь у реценских своя руда под боком, на Тукане, а они уже начали прихватывать ее издалека, аж из Казахстана. История, в общем, повторется.

— Что заглустил при такой красоте? Обам?

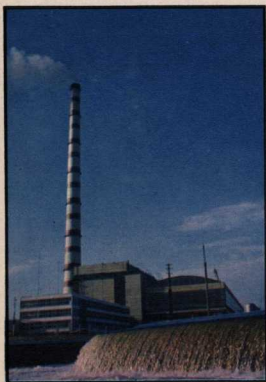
Иван, заподрав отечная на давшиний раговор с тестем за праздничным столом, поведал Филиппу Васильевичу, что хоть и уберет они своору с лица и в Ивана теплево на душе. Конечно, гигантская домейная пеха уже не хватает своей руды, и хотя сейчас в виде окатышей возит из Соноловско-Сарбайского горно-обогатительного комбината, все-таки магнитные стемы показали наличие залежей железной руды. Ну, и добора!

Еще характеризует железную пруда, над прудом в маргеновых стемы трубами работавшего завода несколько взлудилась желто-черные дымы, закрывали небо наполновили, и слева, около завода, мажничо ярким пламенным кругом соснел.

Пашев пошел к самому краю скалы, молодецки встал на каменный выступ и заглянул вниз: высоко!

По озеру шли черные фигуры пешеходов, шли по дорожкам, которые,

Пятилетка подводит итоги. Миллионы тонн сверхплановой руды, стали, электроэнергии — эти советские миллионы вновь и вновь доказывают мощь теплов нашей индустрии. Советская страна давно стала страной электрической. Минувшая пятилетка ознана новыми мощными станциями, возведенными руками молодых. XXIV съезду Коммунистической партии, 50-летию ленинского плана ГОЭЛРО посвящают свой труд костромские энергостроители.

Анатолий БАРАНОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

По ночам, привывтали землю заморозки, и наутро под ногами хрустела остеклевшая, пожухла трава, а снег пополам с дождем сек лицо. Над Волгой висел туман, Элегантные трехпалубные лайнеры уже спрятались на зиму в затоны, а по серой стынущей воде плелись работяги — баржи, паромы да «грузовики». Мы ждали последнюю «ракету» до Костромы. По времени ей бы давно качать нас на борт, а она все не показывалась.

— Успеете, ничего с вами не делается! — кричала дежурная, поглядывая на наши чемоданы. — Ох, зима бы скорее!

Нагму на голову плащ, я сидел на кинжете, отполированном временем и швартовными концами, а мой спутник сумрачно доказывал, как несправедлив этот мир, относящийся к нему без должного уважения. И вот он уезжает черт знает куда. И уедет, но еще докажет всем, каков он есть, и бригада пожалеет о нем.

А я жалел его сейчас. Потому что всегда обидно, когда человек сам ломает свою судьбу, топчет свои ины. И остается один. Он не договаривался, что я знаю его историю. Для него я был посторонний, совершенно случайный человек, которому можно излиться.

Товарищ, проживавший целый год в одной комнате с нами, охарактеризовал его неслесто. А после мне подробно рассказывали его историю. Специалист он действительно знающий, монтажник опытный, но чтобы товарищу помочь или лишнюю минуту переработать — никак, только коты и едр. Вела его бригада недавно трубопроводы. Работа токая, ответственная. Закончить вовремя не ус-

ВЫСОТА

Монтаж энергоблока — это сотни сложнейших операций. В каждую из них люди вкладывают все свое мастерство и опыт.

Александр Ададжук — шеф-инженер по монтажу турбин, представитель Ленинградского завода имени XXII съезда КПСС.

тели, а значит, следующей смене фронта работ не подготовили, ну и решили поработать еще немного. А он посмотрел на часы и ушел. В ответ ребята «кушля» его из бригады. Несколько дней он сидел в общежитии, ждал — попросит. Не попросили. Он взар расчит.

— Меня на любой стройке с руками оторвут.

На строительстве Костромской ГРЭС в провинциальном городке. Вернее, жил в Волгореженске, а на станцию приезжал по утрам, как на работу. Волгореженск — поселок энергетиков и строителей — еще в лесях. Дворцы культуры, кинотеатры, плавательный бассейн, многоэтажные жилые дома только на ватмане, а коренные жители уже есть — их мамы и бабушки в колхозах катуют. Значит, будет городок. И станция, конечно. Ее первые три блока аккуратно вливаются свою силу в государственную сеть. Но ГРЭС еще в пеленках. Ей только предстоит стать одной из крупнейших в мире.

У старожилков, у тех, кто начинал с нуля, немало воспоминаний. Но строители не любят вспоминать, особенно сейчас. Они думают о будущем, о четвертом блоке, потому что взяли обязательство пустить его к 22 декабря, к 50-летию ленинского плана ГОЭЛРО. Времени мало. По всем нормам на монтаж одного такого энергоблока необходимо семь с половиной месяцев. У них не оставалось и половины этого срока. Но обязательства брали не просто так. Рейды комсомольского прожектора выявили массу неиспользованных резервов. Строители подсчитали свои возможности. Невозможности влезали тоже. Составили точный план работ, план на каждый день, на каждый час. А в сутках всего 24 часа, в сутках всего три смены, на площади же в Волгореженске каждые утро уменьшается цифра, обозначающая количество оставшихся до пуски дней.

Сейчас вся стройка с надеждой глядит на монтажников участка Центрэнергомонтаж. От них зависит многое, почти все. И они гордятся этим доверием, но и зато как работают! А еще успевают ревниво следить за работой соседей. Впрочем, здесь так уж повелось. Трубопроводники поглядывают за турбинистами, турбинисты — за

киповцами, киповцы — за котельщиками. И так по кругу. Соревнование у них азартное, без снисхождения. Киповцы заняли первое место на стройке, турбинисты — на участке.

— Это же нелегично. Если мы первые на стройке, то и на участке, стало быть.

— Логично было бы первое место по стройке дать тем, кто и на участке первый, ведь наш участок главный всех. — Это Виктор Павлов. Молодой монтажник, здесь с «первого блока» (есть такой отсчет времени), приехал из Костромы по комсомольской путевке, женился, получил квартиру в Волгореженске. В общем, уже монтажник «до мозга костей».

Среди тысяч монтажников участка более половины — асы, за плечами которых не одна поднявшаяся станция.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады Иван Селезнев долго вспоминал свои станции: пальцы на руках не хватало. Сибиряк, начал считать сначала: «Светлана родилась на Троицкой ГРЭС, первый шаг сделала на Волговской атомной, в асия пошла в Конаковский. Ивану чуть, за тридцать — большие десяти станции на счету, Светлана, его дочери, — пять, вряд ли она поступит в волгореженскую школу. Такая уж профессия у родителей — монтажники, путешественники».

Мы сидим в штабе бригады — небольшом вагончике, поднятном на двадцатиметровую высоту. Рядом с окном вран ташит связку труб для навешивания конденсатора, сверху слышится жершесварщики готовят площадку для очередного рывка вверх, напротив в ажурном переплетении металлических лестниц огромной двухрукопупной отсыда Селезнев может увидеть, чем занят каждый из его монтажников, но бригадир не скрывает, знает, кто что делает.

Бригада у Селезнева большая — около восьмидесяти человек. Работают тремя звеньями по сменам. Земельные, или, как их здесь называют, сменные бригады, — Анатолий Пальчиков, Дмитрий Митин, Валерий Коровин — друзья Селезнева. Он на них полагается как на себя, друзья, естественно, отвечают взаимностью.

Ставки на место статора, собрали его заранее. Осталось и дел-то: опустить аккуратно на фундамент, отцентровать да закрепить. Опытным монтажником на смену работы. Да так и на плане было расписано. Ставить решили позднее, когда на работу на станцию меньше и с кранами побоясь. Выпала эта смена Валерия Коровину. Случилось красное солнце падало за Волгой, поджигая и без того разукрашенные осенью леса. Солнечная дорожка лежала поперек широкой реки, как лента. Место вдали от людей, летавших низко. Они обязаны друг другу своей слабой, эти приколосные берега, леса, поля и Левитан. Без малого сто лет назад пыл он на пародию в яруду увидел этот золотой пол, и в продолжение лес, и мшищей радости. Попросил капитана остановиться на минуту, а остался надолго. И смотрящий сейчас на него «титул обитель» или «березовую рощу», затеяно придет, которое нигде не донесет, потому что всегда живое внутри нас.

Вообще-то пришел а только посмотреть, — говорил мне бетонщик Валентин Стояров, — да увидел места эти — краше разве бывает!

Как легенду, я слушаю рассказы о том, что опытный крановщик идет с помощником крана стол сервисировать. Веро теперь. Два крана так аккуратно подняли многотонную махину статора, что он ни на сантиметр в сторону не качнулся. Подняли, а потом осторожно, как человека бы, и драгоценную кату, понесли и фундаменту. Момент торжественный, почти исторический. Тишина под сводами станции, только шум оторва до дыхания людей. Один из монтажников повернулся мне, показал на застывшие кабин крановщиков и поднял вверх большой палец.

Мощные прожекторы были в одну точку, по фундаменту медленно расставляли тень от падающего статора. И вот уже ослабли тросы: на месте. Я посмотрел на часы — пятнадцать минут прошло.

Бригадир прогрозил бетонщикам по железной лестнице вниз к статору. Радости не было: статор не сел.

Попробовали еще раз. Так же аккуратно приподняли, и чуть-чуть сдвинув, опустили. Бежали вокруг, замерили — нет, не сел.

Придется рубить, — сказал Коровин. — Пусть бетонщики рубят, их вина.

— Когда они подрубят, завтра! Нам завтра кондуктор набивать надо.

— Не нужно было их работу принимать.

— Будем рубить.

Каторжная это работа — рубить бетон. И подрубить-то самую малость — где пять миллиметров, где десять. Но неудобно. Нависает над фундаментом статор, и убрать его нельзя. На всякий случай подставил под него металлические козлы — и домами, кулаками. Скревет пыль, искры, мелкая щебенка. Менялись, снова и снова вмеряли, подсчитывали, прищипывали.

— А кувалды вроде в музее уже сдать собирались, — смеется заводчица. Это он не мне говорит, ребят своих подбавивает.

Очередная смена штурмовала в Волгоградские автобусы, мчущие на станцию, когда наконец посадили статор точно, навески.

— Бригадир, смена с хвостиком вышла, а отгула, знаю, не дашь.

— Да. После дождика...

Она действительно рождает красивой, четвертая турбина. С ее пуском войдет в строй первая очередь этой уникальной станции. Только первые четыре блока ГРЭС будут вырабатывать почти столько энергии, сколько было предусмотрено получить по плану ГОЭЛРО за 15 лет.

— Мы только набираем силу, — говорит главный инженер ГРЭС Анатолий Яковлев Кривош. — А если придется и нам через несколько лет.

Костромская ГРЭС становится своеобразным испытательным полигоном энергетиков и строителей. Здесь впервые будут установлены однокорпусные, высокой пропускной способности котлы, изготовленные тагирским заводом «Красный ко-

пальчик». «Электросила» поставит уникальную турбину, с которой связаны многие надежды энергетиков. На щитах управления станции будут смонтированы новые электронно-вычислительные машины, более компактные, но способные обслуживать электроду и более крупные турбины. Релейные насосы, распределительные устройства, кранлифта топлива — все на одной станции. И работать с таким оборудованием, конечно, нелегко. Виктор Быстров — самый знаменитый турбинщик. Ему 24 года. Приехал с Волжской ГЭС, где тоже работал машинистом. На Костромской начал с пилотных насосов, потом сдвиг элеватора стал обломком турбины. Виктор машинист. На его пульте сотни датчиков, самосисцев, тонкой контрольно-измерительной аппаратуры. Как только управляет! Рядом, там, же пульт мажорского котла. Вспомогательная турбина — только одна на донке. Виктор считает, что один человек может контролировать работу и котла и турбины. Его поддерживает старший конструктор котельного цеха Анатолий Прохоров.

У Селезнева заболел. Сидит в вагончике, коду-ет над списками бригады.

— Не успеваешь! — раздраженно я.

Надо успеть обязательствам взыскать. Только вот каждый день дрожжи, чтобы эти сроки не сорвать! — Селезнев протягивает графин работ по четвертому энергоблоку. — Видишь, как тускло здесь — до добавляет вдруг: — Нашему количеству реходящее зная вручим, и бригаду не обидели. — На столе у него вымыл обкома комсомола «Лучшей комсомольско-молодежной бригады».

За собой автор набегав Виктор Благоев, не застал, — говорит прораб Близин.

— Мне передали. Хотел пригласить на репетицию художественной самодеятельности.

— И как у них все хахалит! Наваливаются, а потом еще пляшут, — удивляется Лепин. — Я не смог бы.

— Бзд как бы сплясал, Юрий Александрович, но и тебе лет пятнадцать осталось.

— За такую цену согласен.

Я проясдел до захода солнца на берегу Волги. Свыше тридцати тысяч кубометров волжской воды в подвале и мощные насосы опорожняют пар. Через некоторое время эта вода, потеплевшая на десять градусов, снова устремляется в Волгу. В водоотводном канале миниатюрные красные микрары, и пар над водой, и рыбаки по берегу.

С берега открывался красивый вид и на ГРЭС и Волгоградский. Станция — синтез тонкого инженерного расчета и красоты, искусства. Она та самая точка, где неминуемо должны пересекаться параллельные прямые науки и искусства. Волгоградский, жите будущее, я видел только на макете. Макет, как на фотографии, не исцелит конечно, обжить будущий город. Но он, верится, будет прекрасным, под стать станции, давшей ему и жизнь и имя.

Я прощаслся, надеясь еще вернуться сюда.

— Мы тебе телеграмму дам, когда закончишь. И без телеграммы мне известна дата пуска — в День энергетика. Графин — закон для исполнения. Монтаж четвертой турбины идет строго по графику.

— Если ничего не случится.

— Пошли к черту, — сказал Селезнев.

Уехал. На приставке и вострел бывшего монтажника, обиженого на строку, на друзей и на себя.

У нас оказалось много общих знакомых. Вспоминались. Невремени в нем и мне оставалось только вспомнить! У меня была надежда еще побывать здесь. У него — в яруду подслушно почувствовал это — умирал энергия ожесточенности и обид.

Завтрашней спросила дежурную, появившись на палу. — Сейчас будет. Из Плеся передали — вышла.

— Ну, вот и все, — сказал он.

— Вам бы извиниться, победить автору.

— Не возмущу! — прошептал он, видимо, думая уже об этом.

— Попробуйте.

— Нет, я знаю.

Он знал монтажников лучше меня.

— Разве в другую бригаду пою. — Он авзал на плечо чмодам, превращаям брочным реннем, и не поворачиваясь, победил автору остановке. А ракетка уже терлась бортами о кранцы, сделанные из старых автоприорхен. С нее сошли несколько демобилизованных солдат. Сел в один.

— Отваливай! — кричала дежурная. — Больше пассажиров нет.

И еще видел, что солдаты окружают человека, так и не ставшего своим получником. Видно, о строение расширяли.

Когда проплыли мимо станции, бросил я в воду монету. На всякий случай.

Висота — рабочее место монтажника.

Ветеран многих строек бригадир Иван Селезнев.

СНЕГА ЗАБВЕНИЯ

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
Вадим ГИПЕНРЕЙТЕР
(фото)

Приэльбрусский ноупленкс стал своего рода экспериментальной базой, на которой проверяются все звенья будущей «горной индустрии» в нашей стране. На снимках вы видите некоторые фрагменты этого комплекса: станцию «Старый иругозор» на склоне Эльбруса (слева вверху), интерьер горной хижины на Чегете (внизу), один из подъемников в действии и, наконец, главное, из-за чего стремятся сюда тысячи людей, — стремительный, захватывающий дух спуск на лыжах.

Исчерпав горный скло-
ны, снежные рельсы поды-
дут и закидевшей стеной
домой, сложенного из гру-
бого камня, перевозяще-
го деревянными бу-
сылами, простреленного
своими огромными стеной
окна.

Солнце здесь особое. Его лучи
трапят голубое, но добравшись каки-
нибудь полтора метра до снега,
и они слабеют, согля лег дымкой, а
вот лишь на плечо — сразу отмы-
высохнут.

Горный пейзаж во многих странах
повторяет сам себя. Тот же скре-
пин, карыбаноющийся вверх, вверх
что радиатор машины встает почти
вертикально перед глазами, те же
заурядные лесочки, перелетающие че-
рез влажную долину, те же снеж-
ные языки, свисающие со скал. И, на-
конец, та же нестрая публичная
знака изуродован — куртки-анорак, то-
стые свитеры, эластичные брюки, лу-
двые ботинки и охалки лыж — хри-
пки, блестящие, окованные метал-
лом.

Эта униформа, которая здесь оди-
наково приемлема и для гостиницы

и для милодонного клуба, и для ресторана, создаст атмосферу, воплотившую и по-спортивной бодрости, столь несхожую с тонкой размазанностью летних морских курортов.

Итак, зимние курорты в горах. В последние годы они тоже быстро унефицируются, хотя, скажем, по-прежнему альпийское шале с традиционной кровлей гарамю в окрестностях остается непохожим на ступенчатую ложную гураль в Татрах, где над дверью висит густой занавес и глаза, Единого не заключаются в том, что большинство таких центров зимнего отдыха уже рассчитано на массовый приезд, располагает соответствующим чешим, индустриальным стандартом отелями, подъемниками, специфическим сервисом [горноспасательная служба, вшиты лыжные инструкторы и проводники]. Не случайно, что даже страны, имеющие более чем полувековую традицию в этой деле, первоначально сейчас некой старинно-курортной Бунд; и примеру, во Франции категория зимнего курорта определяется сегодня пропускной способностью подъемников, которые должны в пять и более раз превышать количество мест в отелях [расчет на тех, кто приезжает туда лишь в выходные].

Для социалистических стран — Польши и Чехословакии [Татры], ГДР [Тюрингский лес], Болгарии [Родопи], Румынии [Карпаты] — это еще более характерно. Если во Франции официальная статистика определяет ежегодное число посетителей зимних курортов в миллион человек, то одним

только маленький польский городок Закопане принимает с ноября по апрель свыше 600 тысяч туристов.

У нас в стране с недавнего времени тоже звучат приглашения: «Поезжайте Тарской», «Добро помолиться в Ворогути» и т. д., хотя, если говорить по совести, нетерпеливая реклама нередко пускает тут язык в глаза (специально в данном случае). Основание «курортной целины» в Прильбрусье и Хибинах, на Урале и Камчатке, под Алмаз-Атой и в Карпатах еще только-только началось. Истории, последней порой могут стать подвиги целинной значительно раньше. Еще в 1947 году львовский краевед Вл. Паныков подал в Республиканский комитет по физкультуре и спорту докладную записку под названием «Туристички доми в плейнчиз Карпатах».

Уже тогда в северной части Закарпатье насчитывалось более 50 турбаз примерно на 2 300 мест. По современным масштабам и планила это, конечно, немало, но думается, что именно Закарпатье, и в частности то же Ворогто, имеют раньше всего стать настоящим центром массового зимнего отдыха. Определенные традиции, близость подобных же курортов в братских странах должны сыграть свою роль.

Прошлой зимой бургомистр маленького немецкого городка Вальтер Барнхофф, деятельный человек в неизменной лыжной амуниции, сказал мне: «Когда-то про нас говорили так: «Оберхофф, занесенный снегами забвения...» Сегодня эти снега давят человека забвения, полный отход от стремительных скоростей и бурных ритмов нашей жизни... Бургомистр известнейшего в ГДР зимнего курорта говорит хотя и вкратце, но вполне по делу.

Впрочем, привычка современного человека и стремительными скоростями не поладит его и в слюгах забвения. Иначе не были бы изрезаны плавными изгибами лыжного следа откосы Татр и Альп, Карпат и Кавказа.

Уже тогда в северной части Закарпатье насчитывалось более 50 турбаз примерно на 2 300 мест. По современным масштабам и планила это, конечно, немало, но думается, что именно Закарпатье, и в частности то же Ворогто, имеют раньше всего стать настоящим центром массового зимнего отдыха. Определенные традиции, близость подобных же курортов в братских странах должны сыграть свою роль.

Прошлой зимой бургомистр маленького немецкого городка Вальтер Барнхофф, деятельный человек в неизменной лыжной амуниции, сказал мне: «Когда-то про нас говорили так: «Оберхофф, занесенный снегами забвения...» Сегодня эти снега давят человека забвения, полный отход от стремительных скоростей и бурных ритмов нашей жизни... Бургомистр известнейшего в ГДР зимнего курорта говорит хотя и вкратце, но вполне по делу.

Впрочем, привычка современного человека и стремительными скоростями не поладит его и в слюгах забвения. Иначе не были бы изрезаны плавными изгибами лыжного следа откосы Татр и Альп, Карпат и Кавказа.

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. НА ПОМОЩЬ
МОХЕНДЖО-ДАРО

2. СВЕСТИ
КОНЦЫ С КОНЦАМИ...

3. ОЧКИ
ПАНА ОВСЯКА

4. ПРОРОК
ИЗ МАГАЗИНА

5. ЭЛЕКТРОННАЯ
АГРОНОМИЯ

6. ПОЖАЛУЙТЕ,
ПОТИШЕ!

7. РЕАКТИВНЫЙ ЗМЕЙ

8. ПОМИЛОСЕРД-
СТВУЙТЕ!

9. КОНЕЦ
«ХЬЮСТОНСКОГО
КУДЕСНИКА»

10. ОТЧАЯНИЕ
ДЖОРДЖА
ВАШИНГТОНА

11. МОСТ
В ПУСТЫНЕ

12. «СТУДИЯ-70»

13. ТЯЖБА
СО ВСЕВЫШИМ

14. КОЛОКОЛЬНЫХ ДЕЛ
МАСТЕРИЦЫ

15. ЗАКОН СУРОВ,
НО ТАКОВ ЗАКОН

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

1. Мохенджо-Даро, одному из старейших городов мира, находящемуся на реке Инд, в Пакистане, угрожает гибель. В исторических памятниках города, которым по 6—10 тысяч лет, в результате испарения подпочвенных вод накапливается соль: она то и предоставляет угрозу для Мохенджо-Даро. Между тем в статистических справочниках ЮНЕСКО этот археологический комплекс помечен цифрой 1, то есть отнесен к наиболее ценной группе памятников, не имеющим себе равных в мире... И все же Мохенджо-Даро будет сохранен. Проект его спасения разработал польский ученый Ян Бонковский вместе с сотрудниками мастерской архитектурной скульптуры Варшавской академии художеств. Доктор Я. Бонковский не только архитектор и археолог, но также геолог и ботаник. Его метод состоит в следующем.

Есть растения, называемые галофитами (сольнолюбивыми), которые поглощают из почвы большое количество соли. Больше, чем Пана может им предоставить в течение года. При помощи галофитов можно легко удалить избыток солей из почвы, а следовательно, и из фундаментов архитектурных памятников Мохенджо-Даро. Этот метод и был предложен польскими учеными на одном из семинаров ЮНЕСКО. При этом еще ранее некоторые западные фирмы предложили свой проект, весьма дорогостоящий и, откровенно говоря, невыполнимый: предлагалось свести здание Мохенджо-Даро с фундаментом, погрузить верх фундамента в раствор, а затем водворить на место. Если для спасения одного здания этот метод и применим, то в случае с этим памятником из целого города, занимающего площадь в 3 кв. км, трудно говорить осперех о подобном плане.

Итак, уникальный исторический памятник будет спасен польскими учеными.

«ДОНОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

2.

Входящим году 50 тысяч молодых американцев совершили попытку самоубийства, причем наводило десктово из этих подростков спасти не удалось. В столице США находится Национальный институт по изучению душевных заболеваний, там же существует Центр по предотвращению самоубийств. Так вот мрачный прогноз, данный на этот год первой организацией (50 тысяч попыток самоубийств среди подростков), вполне подтвердилось своей официальной статистикой второй организации. Директор вашингтонского института Стэнли Йозлес высказался следующим образом: «Когда молодой человек видит, что в нашей стране далеко не все концы сходятся, он нередко решает свести концы с концами...»

Неофициальная статистика утверждает, что подобных случаев в Америке вдвое больше: до трехсот ежегодно. Часто истинная причина смерти скрывается по желанию родителей, для которых мучительно наблюдать прессу в таких ситуациях.

«СЕНАТЯТ», РУМЫНИЯ

3.

Несколько больших стекающих витрин заполнены моноками, пенсне, лорнетками, очками. Сотни оправ — и все разные. Самые старые относятся к первой половине XVIII века, сделаны из рога и драгоценных металлов.

Это единственная в своем роде коллекция в Польше. Она принадлежит Чеславу Овсяку, известному варшавскому оптику и большому знатоку этого ремесла. Он утверждает, в частности, что Генрик Сенкевич допустил в «Камо грядеши» ошибку, представил Нерона близоруком, который, дабы видеть лучше, смотрел сквозь изумрудный монокол. Сохранившиеся изображения Нерона говорят о том, что он не мог быть близоруком. В те времена действительно пользовались изумрудами, но лишь для защиты глаз от солнца.

Одну витрину из коллекции на Овсяка мы воспроизводим на этом снимке. Она называется «Эюор в очках, Берлиний рачки для выловленных далае — очки для преступников, для участников скупных собраний, для портных, для любителей подлаживать в замочную скважину и для карточных».

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

4.

В малейском городе Куава-Лунпу есть свой прощатель по имени Майри, который сообщил недавно в печати и по радио, что конец света наступит 1 января 1971 года. Всем, кто верит его предсказаниям, Майри посоветовал запастись всевозможной бытовой техникой, поскольку таковая в потустороннем мире не производится.

Дотошные журналисты, однако, вскоре выяснили, что родной брат пророга — владелец крупнейшего магазина электробытовых товаров.

«ЭПОНА», ИТАЛИЯ

5.

Электроника и сельское хозяйство — два понятия, которые лет двадцать назад никто, кроме узкого круга специалистов, не осмелился бы связать друг с другом. Теперь же их сотрудничество рождает высокопроизводительные сельскохозяйственные машины и установки, новые методы работы. А то, что сегодня еще кажется фантастикой, завтра станет реальностью.

Агроном считает правильно руководить ростом и развитием растений, обладая точной информацией о состоянии самого расте-

ния и таких внешних факторах, как температура, влажность почвы и воздуха и т. д. Эту информацию ему дают миниатюрные полупроводниковые датчики, которые своими чувствительными полупроводниковыми терморезисторами — будут собирать сведения в различных точках исследуемой площади. Средняя температура и прочие данные телеметрических систем будут передаваться в главную квартиру для автоматической записи. «Электронный агроном» после обработки информации выберет из множества решений данной проблемы наиболее оптимальное — соответствующее предварительно запрограммированной функции максимального урожая. Без какой-либо команды агроном-компьютер выведет на поля сельскохозяйственные машины-автоматы.

Что касается фруктовых садов и цветников, то здесь будут расположены саморегулирующиеся установки, основанные на полупроводниках и микроэлектронике. С их помощью растения смогут сами включать и выключать свет, создавая наиболее благоприятный для себя режим, получать необходимое количество удобрений, воды — короче, перейдут на «самообслуживание».

То, что все это очень скоро войдет в область фантастики, доказывают прогресс науки и техники и темпы развития сельского хозяйства, в частности в Болгарии.

«ВОЛГАРИЯ»

6.

Шум, которым цивилизация окружает современного человека, в сто раз больше, чем тот, который слышал вокруг себя житель Афин во времена Перикла. Справедливо предсказание известного немецкого врача Роберта Коха о том, что человечеству придется бороться с шумом столь же упорно, как и с эпидемиями различных болезней.

Механизация сельского хозяйства гонит и с полет ту идилию и тишину, которую некогда воспевали поэты: трюк работающих тракторов и комбайнов достигает 85—100 децибел, что весьма превышает допустимые уровни. Но едва ли не самым шумливым в нашей жизни стало небо. Это там люди! Взгляните на эту парочку тайландских слонов, которых недавно доставили в Визнорские зоопарк. Анонсы. Эти толстокожие существа едва не заблудились от грохота реактивных самолетов, пронзавших над Визнорским зоопарком. Анонсы. Эти толстокожие существа едва не заблудились от грохота реактивных самолетов, пронзавших над Визнорским зоопарком. Анонсы. Эти толстокожие существа едва не заблудились от грохота реактивных самолетов, пронзавших над Визнорским зоопарком.

«ЛАТО», СЛАВА

7.

Обычный детский змей, увеличенный во много раз, послужит выделителем... Набев его кончик туристской палки, человек сможет пролетать расстояние до 80 км. Так утверждают авторы проекта — инженеры американской фирмы «Белл». Еще неизвестно, какова будет скорость этого летательного аппарата, да и официальное название ему не придумано, но фирма «Белл» уже успела получить от Пентагона заказ на 600 тысяч долларов.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

8.

Известный парижский модельер Пьер Кардан разработал новую униформу для сестер милосердия, образцы которой он уже продемонстрировал на выставке мод в Бульварском саду. С начала нового года предполагалось ввести эту форму во многих больницах Парижа.

Что же будет с бедными больными, особенно с сердечниками, когда в палатах появятся сестры милосердия, одетые месье Карданом в мини-бюбаны, такие коротенькие, что их можно назвать «макси-мини»?

«КАНАР АНШЕНЕ», ФРАНЦИЯ

ректор национального института парадологии в Вашингтоне доктор Теодор Куилл, сам, в частности, спрашивал о степени готовности искусственного сердца для пересадки людям и о том, было ли получено согласие пациентов на такую операцию.

Профессор Куилл весьма резко отозвался, что разрешение на такую операцию он ни у кого не просил. В Вашингтоне имеется ведущий хирургом в Техасе, что искусственные сердца, вешающиеся на шею, превосходило все предыдущие образцы и что пациент Куилл умер от воспаления легких.

Однако власти вынуждены были создать специальную комиссию для изучения деятельности профессора Дэптона. Куилл, по отношению к ней высказался неопытным идиотом. Оказалось, что несколько лет назад Куилл ради эксперимента передал в труды умирающего человека сердце — Сарана. Оказалось также, что Куилл и Лиотт, просто напустили позитив искусственного сердца из чужой экспериментальной лаборатории и не испытывали его, сразу же применили в операции. Более того, профессору Куиллу было известно, что опыты с искусственным сердцем, проводившиеся в этой лаборатории на телятах, всегда заканчивались неудачно, но только потому, что организм животных сопротивлялся инородному телу.

Все это, однако, не остановило Дэптона. Куилл, впрочем, славно, стремление стать первым в мире хирургом, которому удавалось оперировать искусственным сердцем, привнес его в медицинскому, а затем и в утопическому существованию.

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

ганом-снобом из США, является окончательной. И вот изумительно разобранный на гранитные кубики Лондонский мост доставлен в штат Аризона, где в одной из пустынь новый комок британской галькины намерен установить знаменитый герб для туристов на манер пронаменного «Диснейлянда».

«ТРИ», ШВЕЦИЯ

Даже видящие виды американские репортеры развели руками и спросили у адвоката: «Нужно ли всерьез надеется выиграть этот процесс?» Ответ был незамедлительным: «Разумеется!» Ведь пророки утверждают, что она является наместницей бога на земле. Вот пусть и платит!»

«УНБЕРГ ЦАЙТ», ФРГ

12.

В этом году в будапештском музее Эрнста состоялся выставка молодых художников, организованная «Студия-79», или, если назвать это «объединение молодых «Студия-79» молодых художников Художественного фонда ВНР».

Несколько лет тому назад старшие поколение молодых мастеров изобразительного искусства создали этот союз для защиты интересов своих молодых коллег: ведь охватывая вузы, молодые художники уже не получают стипендий, но еще не зарабатывают своих произведениями. Уже не работают в вузовских мастерских, но не имеют и собственных, они уже не члены студенческого коллектива, но еще не приняты в Союз Художников Венгрии.

Членом упомянутой студии (в наступающем году она уже будет именоваться «Студия-79») может стать любой скульптор, график, живописец в возрасте до 35 лет, окончивший художественный вуз, или самозащит, если много сотнет его работы приемлемыми. Руководители инициативы, члены этого союза, Художественный фонд выдала амнистия стипендий, путевки в музеи, награждает премиями победителей конкурсов, содействует молодым мастерам, устраивает ежегодные выставки. Значительная часть были посвящена в 1979 году.

«ВЕНГЕРСКИЕ НОВОСТИ»

14.

Эту редкую специальность Мария Дитрихова-Томашкова из города Пиероа получила от своего отца. Впрочем, не только она, но и ее мать Летиция и ее старшая и младшая сестры специализируются на изготовлении колоколов для исторических церквей Чехословакии.

«Последний штрих на моей работе Мария Дитрихова-Томашкова ставит клеймо мастера на только что отлитом колоколе».

«ВЛАСТА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

13.

Жителями американского города Финикс миссис Бетти Пейнтурр искала в суа на... господна бога. Суть иска: во время торжества в дом Бетти Пейнтурр уединила молния, и, несмотря на то, что немедленно была вознесена молитва всевышнему, дом сгорел дотла. Адвокат Рассел Тенкс, который велел дело пострашавшей, обвиняет суа в легкомысленном обращении с молниями и требует возмещения убытков в размере ста тысяч долларов.

15.

На футбольных полях Кении отныне ожидается мир и благодать. Президент футбольной федерации этой африканской страны официально сообщил, что каждый игрок, набравший стаувер полей, немедленно попадет в руки полицейских и будет препровожден в тюрьму. «Закон суво, но так как закон» — процитировал президент известное латинское изречение.

«СВЕТ», ЮГОСЛАВИЯ

Эта символическая Долларовая бумажка выпущена нью-йоркской фирмой «Выжиге траст».

Мест Джозефа Вашингтона достаточно красноречиво характеризовался во многих западных странах приближается уже не крафцубль, а полный ужас. Если же еще как-то можно было обречься в ежегодном повышении цен на два-три процента, то пятипроцентный рост, который наблюдался в прошлом году, открыл инфляцию широкую дверь. Это касается прежде всего таких стран, как США, ФРГ, Швейцария и Италия.

«ЮС НЬЮС ЭНД УОРЛД РИПОРТ», США

DEPARTMENTS

UNITED STATES NEWS

Американские газеты назвали его «кьерондсом» среди хирургов, что, конечно, относится к сердцу. Более двадцати подобных операций проделал профессор Дентон А. Куилл из Кливленда в Кьюбете, штате Техас. Ассистентом при нем и деятельностью был огромным даже для американских масштабов: пресса писала о «кьерондсоме куилла», «отростки всего Техаса», «современный хирург», который оперировал под диэвозову музыку, расхваливая в такт сингам.

4 апреля прошлого года Дентон Куилл, которому ассистировала аргентинка Доминга Лиотта, достиг кульминации, вершины своей славы и в результате трехчасовой операции он заменил фальшивое сердце 47-летнего типнографического служащего Хосеана Карла искусственным сердцем — синтетическим искусственным весом 225 граммов. Через два часа эта миниатюрная помпа была заменена в груди Х. Карла чехословацким сердцем, принадлежавшим 40-летней Барбаре Юлль. Через день Хосеана Карла выжили.

Грубо сказать, почему именно это искусство поставило под сомнение методы работы профессора Куилла, были среди них его прошлые наивысшие во вранья и молчаливо пересказывая сердцам. С требованьем расследовать все обстоятельства дела выступил директор

11.

В 1968 году английская столица распростлилась с одной из своих достопримечательностей. Знаменитый Лондонский мост через Темзу был продан с торгов. Молодоток аукционера возмостил о том, что сумма в два с половиной миллиона долларов, предложенная за «Ланди Бридж» неким Бо-

наш КРУГЛЫЙ ДОМ

Леонид ЛЕРНЕР,
Мирослав
МУРАЗОВ
[фото]

Здесь все, как в обычной школе. Учебная часть и лужавые физиономии пятиклассников, девочки с косичками, чинно идущие на перемену. Бутерброды, заливистые звонки через каждые сорок пять минут, двочки и пятерки, сопровождаемые тяжелыми вздохами и счастливими улыбками...

Остальное, как в цирке. Я иду по коридору. По нему можно идти бесконечно, потому что он круглый. Избавиться от него можно одним, только путем — полость на манеж.

Манеж буквально вытягивает меня, ударяет в глаза светом ламп, красным полем и золотыми оброчами бордюра. Под куполом начнутся лавиаторы. Рунки, белые от канифоли, идут воздушной «добычей». Черноголовые вьетнамка жонглируют на катушках.

Я усаживаюсь в амфитеатре рядом с худенькой пожилой женщиной. У нее усталый вид, глаза полураскрыты, кажется, что она дремлет. Вдруг она поднимает голову и совершенно мне говорит:

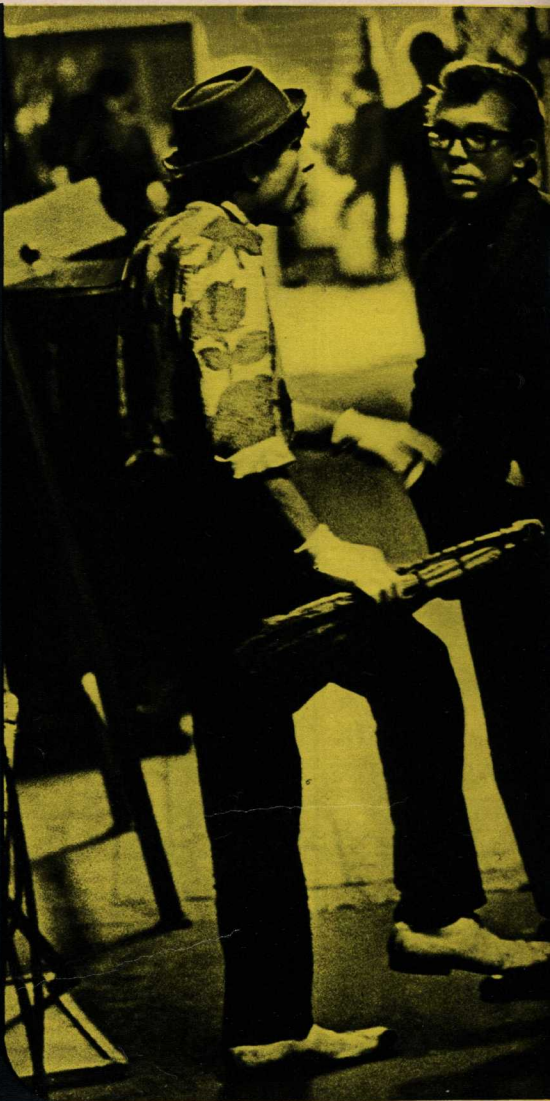
— У этой девочки затяжка в спине. — Она показывает на вьетнамку. — Надо помочь.

— Вы по акробатике!..

— Нет, я балерина. Прелодню в училище танец.

У Клавдии Ивановны Филатовой, старшей преподавательницы Государственного училища циркового и эстрадного искусства, сейчас покой. Она отдыхает, а задно наблюдает учеников.

Сейчас он скульптор. Но тема одна, любимая — цирк.

— Мы все отдыхаем здесь. Здесь очень уютно. — Она обводит глазами амфитеатр.

Я поглядел ее. Этот вильфгаар, сбегающий к манежу, на котором выпускники дают представление, является как бы автономным залом училища. Сюда в свободную минуту приходят ученики и преподаватели, просматривают контрольные, ведут деловые беседы, делятся радостями и неудачами...

И снова мне индую весну приподат зрители. Ученики становятся билетерами, униформистами, артистами. Амфитеатры зрители — дипломы выпускникам. Я вспоминаю выпуск этого года — соросков. Он был посвящен XVI съезду комсомола. В торжественном параде давали пантомиму «Орленок». И этот Орленок действительно взлетел выше солнца, а потом в тревожном красном свете манежа погнал от руки врага.

Сороковой выпуск. А те, кто выпустился в тридцатом году, своими глазами видели революцию, благодаря которой сегодня существует и это училище — единственное в мире...

Мимо нас проедет группа монголов Усмановых на барьер и открывают торжественные огни. Изучают цирковой язык.

— Что это? — Преподаватель указывает на трапецию.

— Трапеция! — танет хор горных голосов.

— Аи-ти-под!

— Си-га-ра!

Да, пришло время, когда 3-я улица Ясского поля благодаря этому училищу стала известна далеко за рубежом. А ведь когда-то на месте этого здания помещались конюшни

Заключенная беседа. Режиссер педагог и будущий клоун.

Днем на манеже каждый занят своим делом.

крутого промышленника Расторгува. От них сохранился только манеж. Музей училища хранит любопытную фотографию: «Первое жилище романтиков». Так называли первых питомцев училища, которые жили тут же во дворе, в деревянных вагончиках. Артист Георгий Кадников вспоминает о тех днях: «В этих вагонах, перевозивших некогда величественных «царей природы», обитало Буиное племя веселых обладателей грандиозного аппетита и прочесывающих степенди, стальных мышц и ветвистых пальчиков... Часто за тонкими стенами наших обитателей бушевали метели и свирепствовал лютый мороз...»

Среди гравюр и рисунков музея — снимки, бои и размах клоунов, огнелотоголеи — есть рисунки, сделанные в самом училище. Они тоже стали историческими. Грустные ста-

Представление манежиста!

рые клоуны потеснились, уступив место веселому, изнеуродованной физиономии Мизантра Румянцева — Карандаш. Карандаш был одним из первых выпускников ГУЦИ. А теперь всему миру известны десятки уникальных артистов, вышедших из круглого здания на 5-й Ясской: клоуны Олег Попов и Леонид Енгибарев, музыкальные эксцентрики Сергей Каштелов и Николай Павловский, канатоходец Владимир Андреев на Батуце Холенко, танцовщица на проволоке Нина Лагачева и многие другие...

Кружат коридоры круглого дома, проносятся неся мимо канцелярии, учебных кабинетов, костюмарных. На этот раз убегают из «заколдованного круга» в учебный манеж. Здесь

столпостережние. Каждый сантиметр приспособлен для занятия. В воздухе вьются мячи, булавы, кольца — си- не-красные трюковые диски. Это как карабкающиеся домики. Это как карабкающиеся домики. Это как карабкающиеся домики. Это как карабкающиеся домики.

Пробирался уличный «троник» вдоль барьера, и вдруг меня охватывает воздушное вихорь. Двоячки, мушкетеры, пролетают, манят, машут ветром. Она высоко и изощро аквидует ножки, но трюмера, видимо, и это не устраивает.

Батюшки до носки! Батюшки до носки!

— Лена, плечики опусти, когда идешь на пуантах! — Толстая преподавательница перекладывает, у каждой фразы своя смысловая нагрузка, отенек.

Она это не шлагает, так бабушка и делает.

В центре манежа старательно кучерявятся малыши.

Жонглор Георгий Сиджма двигается по шпалрам, до назад. Кивается, что его громкие булавки застыли в воздухе, как под гипнозом. Он весело выпускается — репетирует по семь-восемь часов ежедневно. Номер у него национальный — японский. В нем упираются булавы, вазы и ножки.

— Чего не увидит зритель в вашем номере? — интересуется.

— Как в романе предметы — смеется он.

Анна Александровна Баттеева снова и снова отталкивает в воздух своего воспитанника, Наталью Федоровну и Валю Исачену.

— В воздушной гимнастике главное — куражи. (Обстрелом, по-цирковому!) Мои девочки чувствуют себя сейчас на семидесятиметровой высоте, как на земле.

Гимнастки сбегает с лестницы, раскисившись, с горьким глумлением. Заглядывают в лицо Баттеевой.

— Хорошо, — сплюснито говорят она.

Какой была первая встреча с высотой! — спрашиваю у Федоровной.

— На втором курсе я сорвалась с трапеции — рассказала Наталья — Я, конечно, была на лононе, но ладоние было такма резким, что педагог не смог меня удержать. Вот мы с ним и полетели в воздухе, началось, как на везет, пока он все-таки меня не поворотнул. Страху матерьялось, но трюк тут же повторила.

— Но пришло в цирке! — любознательная я.

— Голубая мечта...

— Хотите работать в цирке? — болельщица рада и мама и падает в обморок.

И все-таки каждый год желающие попасть в цирковое училище в тридцать — сорок раз больше, чем вакантных мест.

Я честно говоря не собиралась стать именно клоуном. — рассуждает Роман Абдикеев. — Просто хотел в цирке.

У него фигура акробата, и репетировал он только что акробатический трюк.

— Это даже не трюк, так — цирковик, — говорит он. — Когда нибудь понадобится. А вообще в сейчас знаменитость с предметами, гардеробом сто весьма разнообразно. Чего тут только нет: рабонки, мячи, шляпы, мотоцикли, катушки, булавы, кольца, трюсы, юбки, портфели, гаксифон, сопрано, венки, револьвер...

— А где же палека! — спрашиваю я и вспоминаю, как клоун Анатолий Воишин говорил мне: «У хорошего солдата обыкновенная палека раз в год стрелает, а у хорошего клоуна — ежедневно».

— Я тогда-то думал, что главное для клоуна — это смешно ходить, говорить клоуновым голосом. — продолжает Роман. — Оказывается, прежде всего надо научиться ловко «разговаривать» с котом самых разных предлогов. А для этого клоун должен быть первоклассным жонглором, экибристом, акробатом, гимнастом. Словом, владеть всеми цирковыми номерами.

В мое цирковое колледжи оригинальные отставки на вопрос «Чего не видит зритель в вашем номере?» есть один самый обычный ответ. Музыкальные экскаваторы Силипиевские утверждали, что «зритель никогда не увидит столько труда клоуном, чтобы залпото, везело. А как достается маньдиш таком номер!»

Я переспрашиваю рабочки блокнот режиссера училища Юрия Мандина: режиссер, черткая, диаграммы. Мандин промолвил, мимико из этого блокнота вышел три года назад знаменитый

воздушный полет «Галантика», который под гром овации кончат сейчас по всем арнам мира.

— На чистом странце — большой знак вопроса.

— Что это?

— Номер третьего курса? — отвечает он и сам спрашивается с места и кричит куда-то в глубину манежа: — Таня! Выходи на «крокодильи!»

Мандин возвращается и наблюдает за учеником, задумчиво продолжает: — Собственно, номер это не. Нет начала. А бывает так, что начало найдешь, номер потеряться.

Я представлю себе, как этот человек идет начало. Оно должно быть, как перчатка строка — тонким и верным. Но утром, он прохладит имено застенчивого ваттера в весте и гурки за большого манежа.

Иду по круглому дому, как по земному шкуру. Куда ни пойдешь, приходишь на маном.

В коридор выбегают звуки рояля. За стеклянную дверь проносятся изысканный тонн — доуши репетируют экспонатом. Из костюмной выведет семь органных глумов и маленькая блонесинка.

— Куда вы! — спрашиваю я.

— На мастерство актера! — А потом!

— Потом история цирка, общественно-веденье.

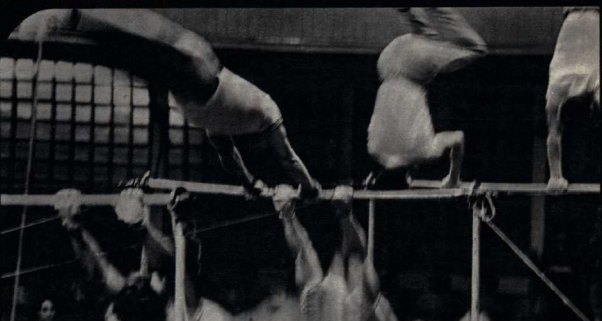
А потом он снова уходят на манеж. И так будет все время, вплоть до четвертого вечера, когда они в последние раз выйдут на манеж своим номером. И тогда впервые ударят их в сердце звуки ликующего амфитеатра.

Двадцать лет назад по инициативе директора училища заслуженного деятеля искусств А. М. Воишина был создан учебный цирк.

— Мы решили устраивать первые «исследования» наших учеников со зрительной в родных стенах, — говорит Воишин. — Тогда любон манеж потом не устраивает.

Когда-то давним-давно писатель Леонид Леонов полюбил цирк. Полюбил людей, которые просто, сплюснито и буднично живут в чудеса. Он сказал: «Цирк просто неотделим в нашей жизни, как лесная вода из окон».

Урок на манеже. Урок в шестом классе.

Чердак

Мне кажется,
Что я живу не так,
В себе и в людях
Странно успокоюсь...
Мне надо бы забраться на чердак
И вспомнить детство в темноте,
Как совесть.

И с прихотью мальчишки-чудака
Вдруг запустить голыш
В ту тишь-рутину,
И пока убраться с лица,
Как ленточку
И пыль страгунуть легонько
С пиджака.
И различить,
Привыкнув к темноте,
В углу бумажный змей,
А рядом — крысло...
И поклониться.
Может, неуместно,
Вещам забытым,
Милой пустоте.

В той кресле бабушка сидела
Долго
И на закат смотрела тяжело.
Мальчишка,
Я не заплатил ей долга
За доброту
И грустное тепло.

Я обруч дней
Гоняя по мостовым,
Будил том звоном
Дремлющих и спящих.
Я слишком был —
Для старости —
Живым,
Чтобы понять печали уходящих.

Но я не гвал,
Я просто был тактов,
Чердак был тайной мне
Исповедальной,
Где от обид людских
И сныгов
Я плавал безутешно,
Беспечалю.

Потом смеялся,
Пел,
Свистел, да так,
Что голубей на облаках качало...

Мне надо бы забраться на чердак
И вспомнить детство,
Суть его,
Начало.

На своем наречье птичьим,
Рыбьим, листовым, речным
Жизни меня учила лично
Топором, востком, пером.
Мастеря я не паромы,
Возводил я не леса,
А зеленые хоромы,
Чтоб селилась в них краса.

Выбирая, как в невесты,
Чудо-зблони сажал,
Чтоб свистали в сад мой весты
Птичьих солнечных деряв.

Чтоб в краю,
Где, как свиречем,
Души в зилу заждались
Песен юрстных и вешних,
Солицем царствовала жизнь.

Я записал стихи в блокноте,
Где яр — закат
Красной планета,
Где, слышно, дерево поет,
И сны проходят,
Как блокаде.

И остается лишь одно —
Лицо и оние,
Как в свете рылпы,
Лицо в оние —
Крест-накрест рама.
О, это в мир его оной!

Там
Он один

А на дереве тихо-тихо:
Отлаван собаки, тишь,
Луна качается, как тыла,
И опускается в камыш.

Коровы спят, и спят телята,
И спит, тикалая вполыхал,
Хозяйка их, чуть виновато
Забыв усталость на губах.

Лишь я не сплю,
Той тишиною
И звезддопомом в траве сбит,
Москвою, другом и женою,
Как бы навеки позабыт,—

Как тот плещи,
Что до средини,
Доплыл —
И канул в глубину...
О нет, я жив!
И так средини мне
Земля,
Дымящийся ови,
За огородом —
Поле в маках,
И лодка в гнилых камышах,
И чуть светящийся во мраке
То ль купой крама,
То ль очаг...

Я здесь родился.
В тополов
Вырос,
Почуал Песни знобкий звон,
Той,
Что не надобно напомос,
На площадной аукцион.

Ярость — жизнь

ИЗ ПОЭМЫ

Жизнь...
В траву галчата пали
Под стозвонную косу.
Только б люди не проспали,
Не проехали красу.

Только б рожи гнездилась,
Пели
Зерна — звонике птецы.

И в огромный мир летели
Из-под радуг бубенцы!..

Чтобы рос в исполном,
Мать пирог пекла,
С пером,
Жирным, солненным, гусным,
В путь пригнетым попузом.

Провокала не с вокзала —
С материнского крыльца.
В путь мои вареники везала,
Грусть-слезу смыкнула с лица.

И повесила над степью,
Словно облако, платок...
Жизнь,
Дай снова, чтоб окренил,
Родниковый твой глоток!

Блок

На грани света,
В шинели серой,
У костра,
И на крутом челе поэта
Тень от штыка и от преста.

И пламень адского румянца
От зарева, и от любви,
И от местного романа,
Что спели пуш-соловья.

Что ж,
Революция — не Дамы
Прекрасная,
Он полян,
Блок.

Оптимистическая драма,
«Двенадцать»,
Где солдат,
Как Бог...

Но это штрих один,
Не боле.
Я вижу зношь его лицо,
Испепеленное от боли,
И все ж прекрасное лицо.

В зноме невидимого дома,
Где три свечи и полусвет
И —
Демон Музыки и Грома
Блок —
Революции поэт.

Гений

ЭТЮД

Черемуха на том столе,
Где гений пишет откровенье.
Что и жука на челе,
И аммолетное скатенье,
И утра луч,
И ночь тень,
И отблеск молнии вчерашней...
Что будет делать он теперь,
В предсмертный час,
Последний,
Страшный!

Скорбеть,
Отмалывать грехи,
Корыбать скупо завещанье...
Нет!
Гений пишет, как стихи,
Свое великое прощанье.

Уже гранатная руна
Перо княжальное сжимает.
И гений,
Нет,
Не умирает.
Пока престомом — стол,
Пока
Он пишет лето в январе,
Пока Огонь в груди тегнисся,
Пока завесена десница,
И не отгорана страница
Последняя
В календаре...

Рисунки
Владимира ДЕЛБИ

СИМ ЭТЫ

Александр Бло-
ну исполняется
девяносто лет.
Умер он, едва
дожив до со-
рок. Значит,
прожил значи-
тельно меньше, чем прошло со дня
его безвременного конца. Приходит
в голову, а что было бы, дожив
Блок до глубокой старости, каким бы
он стал, что сделал сверх того, что
уместилось сегодня в девяти томах
его полного собрания сочинений?

Но это вопрос праздный, как все,
что выражается в сослагательном
наклонении «если бы да кабы...». Ясно
одно: Александр Блок навсегда
останется величайшим русским по-
этом начала двадцатого века, остано-
вится современником и для будущих
русских поколений. Его собственные
книжки и те, которые ему посвящены,
издаются все большими тиражами и
расходятся мгновенно. Интерес чи-
тателей к нему и к его творчеству,
любовь к нему возрастает с каждым
новым десятилетием. Иначе и не
может быть.

Что же касается старшего поколе-
ния, к которому принадлежат пишу-
щие эти строки, то надо сказать пря-
мо: Александр Блок был нашей пер-
вой любовью, первым поэтическим
увлечением еще со школьной скамьи.
Каждое новое его стихотворение бы-
ло для нас широко распахнутым ок-
ном в мир высоких чувств и высоких
мыслей. Его ритмы властно покоряли
и влекли за собой.

Даже Маяковский, поэт, казался
бы, противоположным Блоку, соору-
дитель символизма, революционер
не только в политике, но и в клас-
сическом русском стихотворении, да-
же он в своем некрологе в 1921 го-
ду писал: «Творчество Блока — целая
поэтическая эпоха. Славнейший ма-
стер-символист, Блок оказал огромное
влияние на современную поэзию».

Признание Маяковского важно от-
того, что, как сказано, они противо-
положны друг другу диаметрально.
Творческий путь Александра Блока
был сложен и труден. Но сама труд-
ность есть признак недюжинной силы.

Первая книга двадцатидвухлетнего
Блока — «Стихи о Прекрасной Да-
ме» — вышла в первые годы двадца-
того века. Она останется навсегда в
русской поэзии исповедью юношес-
кой любви к женщине, к женствен-
ному началу жизни. Стихи обращены
к женщине, к ней одной, только ради
нее написаны. В книге бы запрете-
дельные высылки проецировал поэт
свою любовь, вплоть до того, что
чуть путая открыта аллеями, сырты
в туман прозолись, как ни преобра-
жал бы он жизнь в сказку — все
равно реальная подоплека скажется:
эта любовь прочно обитает на земле,
у нее есть адрес и все прочие при-
маты:

Ей было пятнадцать лет. Но по стуну
Сердца — невестой быть не могла.
Надвиг и смехом притягивал ей руку,
Она засмеялась и ушла...

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Что уж прощай! Но зачем преназначать прозаическую красоту, пережитого поэтом душевного подъема! Запредельные были неизбежны в его юношеской лирике. Любо, так высоко подымая и настольно одушевленная, зовет и увлекает за собою читателя — пускай к Млечному Пути и грозным туманам, пуская и выше, но тем самым она способствует воспитанию чувства читателя, облагораживает и женщину и стоящего рядом с нею юношу, Недаром через много лет после «Прекрасной Дамы» сам автор определял эти ранние стихи как «гражданские». Определение неожиданно и гордо: Но блок был прав. Все, что способствует воспитанию, тем самым есть действие гражданское, общественно-нужное.

В первой блокжовской книге сказано и такое:

Этой повестью догнал блаженных и скисания
Павла во душу, песенная груда...
Из этих песен сошла я зданьям...

А другие песни — сполом тогда-нигида...
Так прорвался и окреп его молодотворец. Он завлек в себя предвосхищом самоубийданием и задором. Рогати классической метрики, наши школьные выбы и знавесты бы метены живым индийским, история такая создает свой ритм. За молодым студентом-филологом не был самое мог сказать о себе и молодой, едва начинающийся двадцатый век:

А другие песни — сполом тогда-нигида...

Я остановился на первой книге Блока, оттого что стала в нем предзнаменовать молодому читателю, равным по возрасту автору «Прекрасной Дамы», а то и значительно моложе его. По первой книге Александр Блок можно и должно учиться любить. Кому же, как не молодому, нужна такая наука!

Грудный путь поэта продолжался и изменял его. В нем были беда и утраты. Безоблачное небо юности превращалось в сумрачное. «Стихи о Прекрасной Даме» в основном были написаны в деревенской подмосковной глуши, среди клеверных полей, в перелесках и на озарках. В будущем поэт обнаружил инстинкт петербургский сумрак, каменные стены студенческих аудиторий на Васильевском острове и многоэтажные коробки петербургского квартала. Александр Блок увидел себя:

В набавши, в переулки, в набавши,
В зрительничском сие набави.

Так изменился климат его поэзии. Какже обернулся для него другим лицом, некривым, а то и страшно-высоким. Сама Прекрасная Дамы стала объектом восторженной грешной. Независимый в пригородном ресторане, где «рядом у соседних лодочек лакеи сонные торчат». Сам эти стихи по-прежнему были воистину, неиз-

че не могло быть у такого поэта, который проображает знаменитый, грязный и пошлый мир в сказку:

И перья страуса склоненные
В моем начале взошу,
И чьи сияны, бездонные,
Чей? Чей? Балтийск березу...

Это не только метафора, но только последствие легкого титана, — далеко не так просто! Сюю новую героиню, кем бы ни была она на самом деле, какой глупейшей ни считалась бы по паспорту, поэт превращает в чудо. В этом была его сила и навсегда завоеванное им право. На то он и поэт!

Между тем и само время стало другим, историческим: эпоха русско-японской войны, князь перовой русской революции 1905 года. Революция затопила вторую книгу Блока — «Нечаянная Радость» — новыми образами, новыми открытиями: митингами на петербургских площадях, биржевыми стрельбами в беззащитных рабочих, забастовками. Стихов, непосредственно связанных с этими событиями, очень много у Блока. Он стоит рядом, он как свидетельствует, но только о сочувствии поэта революции, не только об его интеллигентности, но и о большем, о значении, которое придавал одиозный поэт-метельщик истории, творимой у него на глазах. Чувство истории стало в дальнейшем главенствующим у Блока. Здесь оно впервые явственно проступило наружу — резко, с бесповоротной дерзостью, с открытым признанием революционной стихии.

Таким Александр Блок оставался до конца своих дней: гражданский поэт, философ-публицист, остро и страстно откликавшийся на события русской и мировой жизни. В скором времени он разорвал пути символистского, дождикостного направления как негодного, испуская в воздух. Да и вообще он был против всякого свеклитства, всякой францозности в поэзии. Он хорошо понял, что его сила, только в одном: на свой страх и риск продолжал собственный поиск правды в искусстве. Он открыто заявил о своей симпатии к Максиму Горькому и другим писателям-реалистам, примыкавшим к Горькому. В этом был своего рода выход прошлой моде и расхожим вкусом мелкобуржуазных писателей и их читателей, которых расплодилось великое множество в годы реакции. Реакция, как политическая, так и эстетическая, была отвратительна Блоку.

Но ему самому было нелегко. Он шел на ломку себе, своих инструментов, своей инстинктивной дружбы, наперекор неданым едному мышлению. Это был удвоенный, обреченный рывок с той интеллектуальной средой, которую он был так пленен, казался бы, окружен.

Основной заботой и тревогой для него становилась в те годы выработка цельного мировоззрения, его опре-

деление и формулировка. Он назвал свое мировоззрение трагическим, тем самым противопоставив его и оптимизму и пессимизму одинаково. Он считал то и другое плоским, как два зеркала, одно против другого, то, что направно в одном, молево в другом — только и всего. Разница нелегка.

Что же значило для Александра Блока трагическое мировоззрение! Открытие всего оно диалектическое, прежде нахасте всем противоречием и конфликтам жизни. В нем нет ничего предвзятго, заранее принятго во веру. Сама жизнь представляет из себя непрерывно меняющееся течение глубокой и полноводной реки. Это история, русская и мировая, в повременную эпоху дни и в глубинной крутоверти, которую художник обязан если не понять, то хотя бы почувствовать. Тем более что этот художник — поэт. Поэт в особом ряду, оттого что сама длительность и необратимость времени, историческое и личное, жестко определяют его работу.

Дае ученый ищет закономерности, выводит следствия из причин, там поэт и дело обнаруживает нарушения закономерности, неожиданное и непредвзятое. Поэт оказывается сейсмографом несравненно более чутким, чем весь инструментальный аппарат науки. Поэт углубляет, предвидит!

Неслыханные перемены,
Невиданные вянеты,

на что в меньшей степени способен историк, как регистратор происшедших вренений и отпавших митетей. Поэт — обреченное положение. Александр Блок невольно, даже помимо воли, оказывается пророком — единственный среди своих современников, который тоже пытался что-то предсказать.

Более чем за два года до первой мировой войны Блок наблюдал полет одного из первых русских летчиков на маломальском билане Блерно. Он видел надвиг нехитрой машины и гибель самолета. И Блок обратилсь и полюбшему с трагическим вопросом:

Иль отравил твой мог несчастный
Грудный твой укасный взор,
Мечной летуны, кто же несчастной
Земле несущий динивит?

Был может, за два года до первой мировой в каких-то генеральных штабах и обсуждали возможность применения авиации в планировании войны, но Блок не знал об этом, не мог знать да и не хотел. Он и без того мог, как сказано выше, чутким сейсмографом стихийных и социальных бур. Учен, ми отменно знава сегодню, до какой степени прогноз великого поэта оправдался.

Недавно в черномых его стихотворениях «Блаженное небо итигловое дождем. На войну уходил зело...», написанного осенью 1914 года, мы прочли:

Разве это последняя в мире война?

Прочли в другом его знаменитом стихотворении:

О, если бы я знал бы, друзья,
Кого и мран грядущих дней...

Зачем удалялись или скорбеть о том, что предсказана Блока мрачны. Мы хорошо знаем, насколько они справедливы! Ведь и инстинкт Блока — детская штука по сравнению с атмоной или водородной бомбой, а «холод и мраки ничто рядом с газольным камерами Освенцима.

Да и сам Блок знал, что его предвидение продвинуто одним только верным чувством истории. Недаром он сказал и такое:

Раскрой мне книги,
и риск сказано все, что случится,

В этом не было похвальбы, одна только гордость, пусай мрачная, зато праведная.

Его третий поэтический том это вершина его творчества и по зрелому мастерству и по глубине выношенных и до конца прочувствованных мыслей. Глубоко. Не только в середине десятых годов века, князь первой мировой. Названия таких циклов, как «Страшный мир» или «Пустая земля», говорят за себя. Мир этих стихов действительно страшен, внутренне опустошен, уродлив, полон судорожных гримас городской жизни. Само совершенство стихов, их напряженный ритм, точность языка только углубляют их трагостное воздействие.

Но содержание замечательного тома не исчерпывается этими. Рядом, в соседстве с мрачными картинами, — самый знаменательный для возмужавшего гения блока РОДИНЫ. Блок вырастает в эти стихи как поэт национальный. С тревогой, с нежностью, с безудержно страстной надеждой вглядывается он в лицо России. Поэтой она может показаться ему Новой Америкой, и отсюда можно сделать вывод, что его и прелюдия и отпавшая перспектива индустриального развития России. Не самое дело этого не было. Гораздо важнее для него его любви к Родине почти оновено вырвавшее восхитительное развитие России. Имя этого такого поэта, как он, этим Блок сказано все.

Родина и любимая женщина неразделимы для него в образе той Вечной Женственности, рыцаря которой он был в первой своей книге. Сама Россия становится для Блока живым женским существом:

Какому хочешь царово
Отдай разбойничью драку.
Пустая заванит и встанет...
Не преладешь, не слышишь ты...

Вот еще больше слякние Родины и Любимой:

И незлобивое возможно,
Отдай разбойничью драку.
Когда блеснет в дали доронной
Меланельный взор из-под платка,
Когда звенит твой из-под платка,
Гулкая песня вилочка.

Ко всем стихам Блока о России можно найти комментарий в его сборниках статей той эпохи. Они написаны приполюбно и страстно. В этом коротком очерке приходится только сослаться на них. Важно установить одно. Во всей своей работе, будь она лирикой или публицистикой, откликом на злобу дня или раздумьями о судьбах человеческой культуры, всегда и везде Блок был идеен и верен своей правде, своему служению. Он мог и не кончить отрывка, оставить только беглую запись в дневнике, мог надолго забросить работу над поэмой «Возмездие», так и не завершив ее и не воплотить мерцавшее ему в сознании, несмотря на то, что эта поэма действительно была центральной в его творчестве,— все равно в каждом его поэме узнается напор той лирико-музыкальной, гражданской и общечеловеческой стихии, которая веда его, растила и воспитала:

О, я хочу безумно жить,
Все сущее — увеселить,
Величие — ошеловить,
Несбывшиеся — воплотить.

Это очень широкое задание самому себе. Надо бы не только художником-поэтом, но и великим строителем, чтобы так замечать долгие творческие свершения. Но Александр Блок хотел и ждал еще большего. Он мечтал, чтобы в будущем «ночная веселья» сказал такое:

Простим угрюмость. Разве это
Скрытый двигатель его?
Он все делал доброй волей,
Он все свободы торжество.

Таким видим и мы Александра Блока.

«Двенадцать» и «Сифис» — самые значительные его создания. С ними он вошел в народную память, в нашу школу, в престолы. В свое время они знаменовали крутой поворот творческих сил поэта, взлет его дарования.

Александр Блок был одним из первых среди поэтов-современников, который безоговорочно и одушевленно принял и полюбил Великий Октябрь. Многие из явнее близких не подавали ему руки. Кое-кто из еще более близких предупреждал его о «неосторожности» столь решительно выступать — дескать, как еще повяжется колесница истории, как сложится события и прочее... Но поэт был неизмеримо выше и вражеских критиков и дружеских увещаний.

О значении и смысле «Двенадцати» и «Сифиса» сказано и неоднократно повторено все, что можно о них сказать. Объяснено новаторские революционные звучание этих поэм, связь их со всем, что было сделано, продумано и пережито самим поэтом в течение двадцатилетия его творческой жизни.

Снежная метель петроградской зимы 1918 года, развороченный, всполошенный социальным переворотом огромный город с его барачными и казарменными, богемными старушками, полами, чиновниками, проститутками — весь это «страшный мир», давно уже зорко разгаданный поэтом, и надо было этим нездоровым и неизменным населением возмозжало резко и рельефно выделенные фигуры двенадцати красногвардейцев, идущих сквозь заснеженные сутробы, черные улицы Петрограда. Они идут в сапьяны и в сознании своей грозной правоты:

Не танце нином время,
Чтобы вынырнуть с него,
Потому-то будет время
Нам, товарищ дорогой.

И если в поэму внезапно и катарсически вторгается убийство собственной девушки, эгиб ее несчастный убийца заглобил душу этой

красотой, то как ни важен этот эпизод в развитии поэмы, как ни разламывает он ее, все равно много музыкально-революционной стихии выносит и автора и его простых героев далеко за пределы происшествия в уголовной хронике — на простор великого дела творимого самим людьми и историей. Живая ткань зарубцевалась. Победный, маршевый ритм торжествует:

Революционный дернито шаг.
Неуголовный не дремлет шаг.

Но кто не помнит эти строки!

Рядом с «Двенадцатью» — «Сифис», произведение другого периода, другого жанра. Это гражданская поэзия в самом прямом и точном значении слова. Надоено выкованные строфы «Сифиса» продолжают вековую спор России с Западом, со старым миром.

Хорошо знал и страстно любил гуманистическую культуру Европы — и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений, — Александр Блок для того и продолжает любить прошлое, чтобы верить беспредельно и свято в будущее του народа, смыком которого считает себя в «Сифисе». Он и говорит от лица этого народа: «Их тамы и тамы и тамы». Он единца в этих неисчислимых «тамы» рабочих, крестьян, солдат, моряков, старых и молодых мужчин и женщин.

С полным основанием мы считаем последнюю строфу «Сифиса» последним заветом Александра Блока:

В последний раз — опомнись,
Старый мир!
В последний раз — на светлый,
Братский мир

Свяжет варварская лира!

В конце января 1918 года это было написано единственно нужным, полным, как звучит, словом. Блок продолжал вечное дело большевиков, борясь за братство народов, за их свободный труд.

А если он назвал свою, значит, и нашу общую лиру варварской, что ж, мы не отречаемся от такого названия, примем его, как почетное. И в самом деле, как лира так и октава, предначертанная и дыкой с точицей зрения эвхемического и германского, предпочтительнее темные искозняки и ушмерzenia вместо резной и режущей глаза правды.

Вот отчего «Сифис» остаются по сей день не только последним заветом самого Александра Блока, но и одним из первых и лучших революционных поэмов. Да, нашему народу приходилось и с огнестрельным оружием в руках отстаивать и братство народов и их свободный труд. Да, помним бедствия и утраты тысяч сорочковых годов. Помним отчетливо все, например, и такое:

У пиетерми в память Блока
Ватильонный читак комиссар...

Свидетельство украинского поэта Перемогинского не единственное в таком роде. Поэзия Александра Блока тоже была оружием тогда, в одном солдатском строю с поэзией Пушкина и Маяковского.

В этом сжатом очерке много упущено. Ничего не сказано о драматургии Блока, о его сильных статьях, формирующихся в то только его нездоровье, но и тех, что моложе. Совсем ничего не сказано о «Возмездии».

Нельзя, конечно, вспоминать любимого поэта, каждый находит у него те строки и те слова, которые кажутся созвучными данному историческому дню. Вот я только одну статью двух Блокоских строками:

Но есть ответ в моих стихах
Творческих,
Их тайный жар тебе полюбим жить.

Павел ШЕСТАКОВ

ПОВЕСТЬ

3. СНЕГ

«Иди в дом и жди меня», — сказал он. Манин вдруг осознал, что распорядился в чужом доме, что дом этот, ни в чем не изменившийся за ночь, стал совсем другим, превратился в место преступления, и вместе себя в нем надвигало иначе, чем вчера вечером. Это было знакомое ощущение. Не раз ему приходилось появляться в квартирах в трагические минуты, осматривать их, как врач осматривает больного, стараясь угадать все, чтобы сохранить в памяти необходимые, что требуется, не больше. Без оскорбительного любопытства осматривал он портреты и фотографии, плафанд с одеждой и столы с дорогими кому-то письмами и пожеланными документами. Он умел делать это, не причиняя боли, профессионально и деликатно касаясь крохоточных ран, ни на секунду не забывал, что мир состоит из людей, а не из потереших и преступников.

Духом этой жестокой реальности, выпавшей за все на свои места, и пашуло сейчас на Мавзине в калугинском доме.

«Наверно, Марина продает дом», — подумал Игорь Николович, подходя к ее комнате, и испугался сожаления. Он поступал и готовится к тому, что ответит не сразу. Она имела на это право. Но Кагулина отговорила немедленно, и он вошел. Марина сидела почти в той же позе, что и утром, но уже не ввалаа.

— Игорь Николович?

— Да, я.

— Вы, конечно, осуждаете меня за то, что я здесь, а не наверху?

— Вам не следует быть там. Борис Михайлович залер мансарду до приезда милиции.

Без косметики, без привычного доска она выглядела совсем молодой и беспомощной, положила на увеличенную шпильку, проваливающуюся на испуганном злании в институт.

— Простите, вы любите Кагулина?

Она всхлинула.

— Зачем вам это? Наверно, нет, раз я так поступаю.

Он помолчал.

— Я вам показалась дрянью, да?

— Почему? Вы старались ответить искренно.

Как вы познакомились с Михаилом Михайловичем?

— На выставке. Там были его работы. Я завладала вопросом о его картинах, они показались мне старомодными. Он объяснил подробно, дал мне свой телефон. Я сначала боялась. Девочка смеялась: трусыш! Ну, я решила дойти, позвонила.

— Это первая жена умерла?

— Да. Сидящего, я жила его на себе?

— А как вы встречаете?

— Никогда так не думала. Нет. Все проше. Сейчас многие стараются жить просто, — сказала она то и убеждено, то ли с торжеством.

— Как же вы все-таки относитесь к Кагулину?

Марина отвернулась.

— Я ценю заботы Михаила Михайловича.

«А что вы делаете?» — хотел спросить Манин.

— Он мне совсем невыносим никак.

— А он вас за что ценит?

— Он ценит мою молодость, — ответила она сухо. — Доросли много. Покойная жена была старше его и много бодела.

ДИКОВИНА

Рисунг Александра МЕНШКОВА

— Рассказывал ли Михаил Михайлович о своем прошлом?

— Он не любил говорить о прошлом. «Зачем тебе это?» — спросит — Ты тогда под стол пешком ходил. Да и не выгодно мне свой возраст подчеркивать». Отшутится — и все.

— Что же вы знали?

— То, что же. Он деревенский. На войне был, ранен и, после демобилизации учился в Москве. Потом его признали...

— Откуда Калугин узнал?

— Из Белоруссии.

— У него остались родные?

— Нет, погибли во время войны.

— Когда он женился в первый раз?

— Сразу после войны. Она была из Казани.

Вдова. Ее мужа убили на фронте.

— Михаил Михайлович жил в Казани?

— Он ездил туда по делам, в командировку... не знаю. А теперь вдова я. Смейно, да? Ведь сейчас ады не бывает.

Мазин сидел рядом с Мариной. «Покажи, спалына маловата». Вскослось в глаза, что, несмотря на размеры воей дачи, комнаты были небольшими. Все, кроме гостиной. Зато комбат было много.

— Михаил Михайлович сам проектировал этот дом? — спросил Мазин, отвлекаясь от главной мысли о прошлом Калугина, которая не делала бы заучать наизусть.

— Да, тут все сделано, как он хотел.

— А какова основная идея этого дома? Вы понимаете меня? Когда человек с возможностями Михаила Михайловича и его индивидуальностью берется за такое сооружение, тут не может быть случайного, тут должна быть обидная идея. Зачем такой дом? Спокойное место работы? Или отдых Уединения?

— Нет. Он человек не мог одиночества. Ему постоянно нужны были люди. Знакомые, незнакомые. Он любил гостей, любил угощать, любил, когда у нас ночевали, засаживались доподла.

— Вас это не тяготило?

— Иногда. Но хозяином в доме был он. Однажды я сказала, он выпалил: «Я трачу свои деньги!» Я испугалась, что он советует меня скрыть, подбиралась к тому, что он заработал.

— Она подчеркивала свое бескорыстие.

— Калугин был педер?

— Еще бы! Вы не поверите, у нас... у него не осталось никаких сбережений. Сразу придется все продать. И эту гостиницу...

Гостиница! Именно. Дом, в котором будут жить много посторонних людей, — вот как он записывал. И эти гости, посторонние, случайные. У Калугина нет родственников, и вряд ли можно найти столько настоящих, близких друзей, чтобы заполнить все эти комнаты.

Мазин огляделся. Широкая тахта, туфельный столик, шкаф и совсем мало свободного места... На стене картина или набросок — сразу не поймешь, — то ли современная раскованная маера, то ли неопознано, недоработано: тяжелый, пасмурный фон, почти такой, как обычно за окном, силуэты гор, насунившийся лес — все грубо, в невыразительной серо-зеленой тональности, и вдруг — приковывающая глаза яркая точка, пятно, нет, не пятно, а полоска, красный бросок кистью поперек картины, откуда неба, как след взлетающей ракеты или, наоборот, неупавшей в Земле, входящей в атмосферу. Или метеорит? Нет, на картине день, и комок пламени не похож на небесное тело...

— Умрановато для спальни.

— Ужасно. Далеко не лучшее, что написал Михаил Михайлович. Я говорила, что колорит меня угнетает. Тогда он взял кисть и бросил этот красный мазок. «Что это?» — спросила я. Он покачал плечами. «Так лучше смотрится». Это действительно был бесформенный мазок.

Но случайный ли?

— Михаил Михайлович писал с натуры?

— Ему нравились окрестности Красной речки.

— Он знал, что там самолет, разбиившийся, сгоревший, — думал Мазин, глядя на алое пятно, след пламени, прозвешивая горизонт.

— В каких военных служил ваш муж в годы войны?

— В пилота.

— Это прозвучало отрезвляюще. Где связь между гибелью самолета, разбиившегося четверть века назад, и убийством Калугина? Он не был летчиком и не мог находиться в самолете. Но мог оказаться свидетелем его гибели. Мог сражаться в горах, защищая перелазы. Однажды над голозой солдат вспыхнул воздушный бой. Калугин видел, как подбитая машина утремлялась к земле. Это запомнилось, вернувшись через

годы, отразилось на клочке полотна, холста. И все? Скорее всего...

— Он воевал на Кавказе?

— Кажется, нет.

— Его не связывали с Дагестаном воспоминания, прошлое?

— Нет. Он выбрал это место потому, что его привлекала природа и натура. Так он говорил. Я еще учился тогда.

— Где вы учились?

— В цирковом училище.

— Потухшее лицо Марины оживилось.

— Директ сразу же позвонил.

— Было в этой женщине трудно воспринимать противоречие: цирк, спорт — все это требует воли, настойчивости, характера. И тут же стремление жить «просто», по течению, слабостью...

— Значит, Михаил Михайлович не служил на Кавказе?

— Я могу уточнить. Я записала важные даты из его жизни. Чтобы знать. Чтобы помнить. Чтобы как-то понять его прошлое, прикоснуться к нему. Не быть чужим. Ставила его автобиографию, вернее, хронологию. У него хранился такой листок. Как справка. Я переписала.

«Она старалась быть хорошей женой».

Марины достала из сумки блокнот. То, что интересовало Мазина, было записано на листке, спрятавшем под обложку.

«Род. 21.8.22 в Кузнецком».

«Оконч. ср. шк. — 29 г.».

«Пост. политехникум — 39 г.».

«40 г. — призван в РККА».

«41, июль — ранен на фронте».

«41, июль — сент. — госп. Воронеж».

«41, окт. — 42, март — воен. лаг. Ашхабад».

«42, май — ранен на фронте».

«42, май — август госп. Арамак. Признан негодн. Демобилизован».

«44 — госп. Моск. худ. уч.».

Далее были записи говорящие почти исключительно о успехах:

«Перв. выст.».

«Награжд.».

«Присв. зв. и т. п. Личный вклад мало».

«19 сент. 12».

«12 мая».

«14 VII. 41».

«67, 8 апр. — ум. К. Ф.».

Военные даты Мазин просмотрел еще раз. Калугин, видимо, и начал воевать с первых дней на границе и уже через месяц, а может быть, и раньше (числа в записи не было) был ранен, лежал в госпитале в Воронежке, что довольно далеко от Кавказа, а затем был откомандирован в Среднюю Азию, в военное училище. Потом снова фронт и снова ранение, тоже не на Кавказе, потому что к этому времени немцы сюда еще не добрались. Лечился в Поволжье. Демобилизовался. Но в сорок четвертом полка самолета над Кавказом уже не сбивали. Правда, в сорок первом Калугин мог ехать в Среднюю Азию через Вуко и Краснодск. Но что из этого? Желанная дорога проходила по равнине даляков Дагестана.

Мазин положил листок на стол и почувствовал, что дышать стало труднее. Заложило нос. «Неужели ко всем прочим сортирам прибавится еще сорок? Не думаю об этом сейчас». Совсем не вовремя, хотя и не удивительно в такой сырости». Он достал платок и уловил не привычный запах. Пахло чем-то химическим. На белой ткани выделялся пятно краски. Платок был вымачивал так, будто краску выгнали, она размазалась по чистому полотну. Но, главное, это был не его платок.

— Это платок Михаила Михайловича, — узнала Марина.

Игорю Николаевичу стало неудобно.

— Вы уверены? Не пойму, откуда он у меня.

— Я привезла вам дюжину таких платков. Он привлазил в колбе больше, но отнесился к ним варварски. Если не попадалось под руку ничего подходящего, автирля краски.

— Тогда понятно. Наверно, я сушу платок в карман, когда нахожусь в мастерской.

— Скорее всего. Платки обычно валялись на тахте или кресле.

Возвращать платок покаялось ему интактичным, неустойчивым. Он спрятал его в карман, почувствовав в ладони, что платок захвачен им, то маслянистым, но только засохшей краской.

— О чем вы хотите еще спросить?

— Остался трудный вопрос — он собирался спросить о Валерии.

— В то, что случилось, я почти не могу поверить, — сказала Марина. — А теперь я знаю, такое бывает... Не в кино и не с друзьями. Со жной...

— А вы, доктор, не боитесь, что пассажиры сядут в хвост подысплет? — иронически заметил Валерий.

— Где сейчас Валерий?

Марина плотнее поджала под себя ноги.

— Наверно, прыгнет в хвисте возле туалета. — И добавила, иронично в адрес Калугина: — Мы оба его бросили. Один Алексей Фомич остался с ним. А мы... такие свиньи. Стыдно. Люди разных поколений не понимают друг друга. Я это давно чувствовала, но думала, что им, молодцам, лучше... Бежим куда-то, в хвисту на море, или в самих себя, а Кушнерев остался. Я и перед ним виновата, он казался мне лишним у нас, вообще в жизни лишним. Сменю, я думала, что жить стоит, пока ты что-то значишь. А что и значу? — Ей, видимо, становилось легче от этого самобичевания, и она пренебрежительно и наговаривала на себя. — Алексей Фомич не подходил в нашей обстановке. И, наверно, я ревновала. Он имел какое-то право на Михаила Михайловича, или нет...

Мазин прислушался.

— Правда? — Моральные, конечно. Старая дружба. Он приходил, когда хотел, много ел. Ел жадно, неаккуратно, вымазывал тарелки хлебом.

— Вы из обесчещенной семьи?

— Да. Мы всегда жили хорошо. Я ел единственную... Мама очень хорошая портниха, а папа — строитель. Я бежала от их опеки, торопилась жить самостоятельно.

— И вам не нравились неаккуратные люди в вашем доме?

Марина не заметила сарказма.

— Знаете, что я полаяла ночью, когда не спала? Что, когда все в порядке — а у меня было даже лучше, чем все в порядке... жизнь воспринималась несправедливо. Действуют вещи незначительные, создается мир пустанок, который принимаешь всерьез. И не замечаешь главного.

— Что вы считаете главным? — спросил Мазин, с интересом улавливая в Марине нечто новое, прорывающее связь назывим принцип и бездумную эгоистичность.

— Я не стала ему близким человеком. Берете и нет, его убийца не случалось. Он что-то предполагал, что-то беспокоило его, но ему и в голову не пришло поделиться со мной. И была рядом — и далеко. Я фантазировал, да?

— Зачем вы сказала Валерию, что отец погиб сразу?

Ответ направила: сказала потому, что Валерий — сын, пусть не родной, но он имел право знать правду. Ложь же была рассчитана на преступника, которому не может быть Валерий. Так следовало ответить, и так Марина и ответила, но ответ дался ей с трудом. И трудно

было понять, утверждение это или встречный вопрос.

— Но он, он же не мог убит.

— Верно. С точки зрения здравого смысла нормальный, неспорченный человек. Однако и нормальный человек в самом здравом уме способен оказаться во власти неожиданных, неоправданных сомнений, утратить чувство реальности...

— Что вы хотите сказать?

— Оно приподнялось на тахте, забюро прижав к плечам мягкий шпиф.

— Не только. Скорее вообще. — Мазин сказал все, что собирался. Больше говорить пока не следовало. — Вы упомянули, что Кушнерев был особенно близок Михаилу Михайловичу...

— Да, да. — Марина обрелась повороту разговора. Видимо, боялась даже продумать, проанализировать слова Мазина, оценить степень их определенности. — Но я не понимала этого. Он казался старым неудачником, завывающим, непохожим... Меня раздражало его право на постоянное внимание Михаила Михайловича.

— Опять это слово «право».

— Оно неудачное. Но странно. Казалось бы, Кушнерев должен был чувствовать себя обиженным. Михаил Михайлович так много ему помогал.

— А было наоборот? Калугина тиготила эта дружба?

— Нет. Однажды я не выдержала, сказала: «Михаил, все-таки Алексей Фомич — неприятный человек». Он посмотрел на меня так... Когда он становился резким, я чувствовала себя беспомощной девчонкой. Он бывал обычно мягким, приветливым, но иногда в нем проявлялось что-то непреклонное, категоричное. Возражать было нельзя. И в этот раз он крикнул: «Не смей так говорить!» Я расстроилась. А ему стало неудобно, он попытался разъяснить: «Ты молодая. Ты не жила в то время, когда нам пришлось жить, в это было не самое легкое время. Люди испытывались по-настоящему; горе было горе, а жизнь — жизнь. Кусок хлеба был жизнью, а не ужин в «Аравии». И жизнь может ударить несправедливо. Алексея ударило под корень. Это понимать нужно».

— Он стал жертвой несправедливости?

— Да. Михаил Михайлович рассказывал мне. Он считался очень талантливым, самородком.

Его любил, прочили блестящее будущее. И вдруг все рухнуло. Он любил женщин, очень любил, и со всеми убитой. Все ушло из-за него. Он был последним, с кем ее видели в тот вечер. Он ревновал ее, был испльщившим... Его арестовали, обвинили. Он отсиел почти весь срок. В самом конце, уже во время войны, в Москве поймали бандитов, которые грабили курьеры эвакуированных. Выяснилось, что и та женщина — их жертва, а Кушнерев не виноват.

Игорь Николаевич до боли сил кулак. Судебная ошибка... И как всегда в подобных случаях, Мазин испытал острое чувство личной вины, собственной ответственности.

— Алексея Фомича освободили, но морально он был рабаем. Он так верил в жизнь! Потряса и ужасная гибель женщины, которую он любил. Сначала он уехал к себе на родину, жил там затворником, приходил в гости, потом появились в Москве, но создать ничего стоящего не смог.

Пришло другое время, другие требования. Начал пить... Михаил Михайлович старался поддержать его. Это я теперь поняла, а тогда...

— Как они подружались?

— Они знали друг друга давно. Но Валерий помнит, что появился Алексей Фомич неожиданно. Много лет Михаил не слышал о нем. Потом Кушнерев прочитал в газете о выставке...

— Нет, кажется, это произошло иначе. Не помню точно. Да это неважно.

Неважно? Для Марины. Но Мазину, который привык мыслить профессионально, кое-что в ее рассказе показалось странным.

— Выходит, они возобновили знакомство лет десять или пятнадцать назад?

— Не раньше. Иначе Валерий бы не запомнил.

«Что же говорил Кушнерев? Просто, когда он (Калугин) был еще неизвестным, мне понравились его рисунки, и я сказала об этом». И слова сыграли важную роль Кушнерев поддержал Калугина в момент, когда тот нуждался в поддержке, очень нуждался, если назвать о такой поддержке сохранилась на всю жизнь, не стерлась в годы успеха. Но, выбитый из жизни, измученный, забытый, Кушнерев не мог сыграть такую роль в судьбе Калугина десять или пятнадцать лет назад, когда тот уже завоевал известность и твердо стоял на ногах. Значит, речь шла о более раннем периоде? Да, старик упоминал «давно прошедшее время». Какое же?

Арестован он был до войны...

— Когда арестовали Кушнерева?

— Он любил повторять: «Я жил на свете два-

дять шесть лет? А родился он в девятисот тридцати.

— Девять плюс двадцать шесть получается тридцать пять лет. Если Марина не лгала, архитектор попал в тюрьму в тридцать пятом году, а родился ты, например, в тридцать шестом. Какой заметкой ты и куда Калугина? А до тридцати пятого Михаилу Калугину было... он был мальчишкой, школьником. Вот так армякоти! Старик соврал? Зачем? Своего рода символика? Самооборона испуганного человека? Надежд человека? Но как указать эту легенду с сомнением в искренности Калугина?

Когда я предположил, что Калугин боялся, Старик смеялся, даже буркнул: «Губокомое слово». Или это была ирония? Если сказать верю, у художника не было никаких оснований опасаться Кушнера. Абсолютно никаких. Прекрасная биография, простая, чистая — школа, армия, учебно-творческий путь... все по восходящей. И семейная жизнь не вызывает сомнений: очевидная преданность первой жене, забота о ее сыне, потом этот брак, пусть со значительной разницей в возрасте, но по-настоящему понятийный. Ни единого нарушения ни уголовного, ни морального кодекса. И хотя у него не было к этому никаких видимых оснований, Калугин чего-то боялся. Однако, если я правильно понимаю, это слово относится к Кушнеру дружески и уважительно. Мысль о том, что отношения их не просты, а чем-то осложнены, отравлена, беспокойна была, непонятна, тревожна да еще в такой дель. Почему же Калугин не должен был бояться? Потому ли, что Кушнер был ему предан, или потому, что сама причина опасений была непонятна, неуловима? Впрочем, я ушел далеко...

— Простите, Марина Викторовна. Я утомил вас расспросами.

Марини встал, но он видел, что ей хочется сказать еще кое-что, возможно, спросить. Он поспешил выжидательно.

Марина решила:

— Игорь Николаевич, я не совсем поняла вас, когда вы говорили о Валерии. Вы не назвали его определенно, но связывали наши имена. Хотел он сумасброд, несерьезный?

— Да, Вы это обеспокоено? — Да. Я уверена, уверена, что Валерий... Даже говорить страшно. Он не мог. Он не так и не так, как все, ничего не было. Хотя он сумасброд, несерьезный.

— Что значит сумасброд?

— Ну, глупый человек. Мог стать поперек тропы и сказать: орудуя! «Требуя выкуп!» не попустишь... не пушту!

— Этим... глупости не находили отклика? — Что вы Николая. Он просто шутил, я думаю.

А Михаил Михайлович знал о таких шутках? — Нет. Ему было бы неприятно.

«Да, такие шутки радости не приносят. Они же пошлява. Однако Калугин мог знать. Знал же Демьянчик».

— Спасибо, что рассказали, Марина Викторовна. Не беспокойтесь. Придавать этому значения я не собираюсь.

Этот разговор шел одна на рабочих гипотезах, — добавил он про себя.

...Позднее Мазин удивлялся своеобразному двойному течению времени в эти три дня. События развивались стремительно, с промежуточными и сбитыми часами: смерть Валерия, вторичное похищение на него, выстрел на озере — все это заняло меньше суток и, казалось, требовало последовательного отягочного ритма творческой деятельности. Между тем сама Мазин воспринимала происходящее как бы растянутом на гораздо более широкое промежуток времени, он не мог избавиться от ощущения, что находится в Дагестане давным-давно, а не пришел сюда вчера погостить у Соновского. Ощущение это смущало, вызвало сомнение в правильности собственных действий.

Меня поразило самодовольного, неторопливого чиновника, которого даже пуля под мышкой не может расшевелить. А ситуация ясна. Нужны немедленные решения. Мне показались названной приемышкой уловки Бориса обещания Калугина, а в бойбу на нее велика вероятность бы намертво, если б я не промедлил. И продолжал медлить, предпринимая продолжительные исследования от Ромула до наших дней, а требовало прежде всего немедленных рекомендаций опасности, и принять меры, чтобы никто больше не пострадал.

С этой мыслью Мазин вышел в гостиную, где усевший яна дисциплины Коля Филиппов терпеливо дожидаясь его за столом.

— Как выхота?

— Валерий прихотид.

— Наконечно. Буждающий форвард. К себе пошел?

Нет. Сначала у Алексея Фомича было, потом и спаррингера. И сказал. Он походил по комнате, походил, наверх поднялся, туда... Мазин показал пальцем на мансарду. — Студился быстро, опять про вас спросил. Унала, что вы не выходиш, и ушел.

— Не знаете, куда?

— Не... Вы же сказали — сидеть.

— Итересно, зачем я понадобился Валерию?

Игорь Николаевич подтолкнул Колю к двери и начал влезть за ним. Из заднего над дорогой снежного ров повалился валидик. В своей неуместной соломенной шляпе с отсырившим, отсутствующим полями Демьянчик походил на Санчо Пансу, покнувшего сумасбродного хозяина.

— Мои почтение, Игорь Николаевич! — Пасечник наклонился в седле. — Новельного-то что?

— Оговори о решении не хотелось.

— Все по-старому. Начего не известно.

Пасечник тронул осла каблучками.

— Может, на чевек зайдете? Я согрел.

— Спасибо. Завладываете вы.

— Правильно, доктор — услышал Мазин сзади. Он еще проважал взглядом пасечника, трусившего на ишаке по припыленной снегом дороге. Голос принадлежал Валерию. Невозможно было отгадать его ироническую и вызывающую интонацию.

— Чем я вызвал ваше одобрение? — спросил он, медленно обочиваясь.

— Осторожностью. Побоялся, что он вам яду в глаз подольет!

— Итересно... Зачем?

— Черт его знает.

— Не знаете? А почему подумали?

— Что вы существуете. Масло — значит, существовать. Вот и хочется просуществовать подольше. Есть у нас еще дома деля.

Мазин пристально посмотрел на художника.

— Что вас натолкнуло именно на эту мрачную мысль?

Валерий ответил раздраженно, но не по существу.

— Что вы устались на меня? То вам обернуться мне, то рассматриваете, как в телескоп.

— Вы красивый парень, Валерий. Фигура у вас хорошая, культурная. И лицо выразительное: подбородок мужественный, нос приятный.

— Премного благодарен!

— Не спешите, а не кончил. Удивительно постоянно созерцать на вашем мужественном лице какое-то капризное, а бы сказал, по-боям обильное выражение. И еще ваша страсть к стишкам...

— Конечно, доктор. Также мне психоанализит! Люблю в стишки. Хотите еще один послушать? Первая пуля ранила коня... Валерий сделал паузу. — А вторая выбила стекло в известной вам хибаре.

— Вы искали меня, чтобы сообщить об этом? — Нет. Чтобы спросить, кто будет вставать стеном?

— Мелитца установит.

— Пока милотка доберется, вам еще пару дырок просверлят.

— За что?

— Вам виднее.

— Как хотелось Мазину, чтобы ему и в самом деле было «виднее».

— Послушайте, доктор! Я вас так на американский манер называть буду, чтобы покороче. Что мы спелимся, как собака с кошкой? Двух детей незнакомо, а обязательно слово за словом! Где ваш друг прокурор?

— ...не прокурор. Знаю. Певать. Вы ведь тоже не доктор?

— А кто же?

— Мне это не касается. Хотите походить на доктора, пожалуйста! Только не беритесь лечить младенцев. Маманы вам этого не простят. И не притрагивайтесь ко мне на каждом шагу. Походите лучше к прокурору и обсудим кое-что. Он и на работу-младший, — отрексясь Демьянчик.

Соновский задумчиво мерил комнату шагами. Он не смотрел на вошедших, как бы соображал, что это за люди.

— Вы же доктор-психиатр-младший, — отрексясь Демьянчик.

— Никого больше не подстрекайте!

— Кажется, никого, но Валерий не исключение. Он тоже отравления. Он не доверяет Демьянчику.

— Вот как вы! — возмущался Борис Михайлович Демьянчик. Заметно было, что еще ужичем не удивился. — Факты есть? Основания? Почему заводорос старика?

Валерий сморщился.

— Валерий! И карабином Филиппов манут через пять после выстрела на троне за книжной.

Это произошло невпечатлительно.

— Расскажите!

— Вспомнил я и его случайно. Мне не хотелось идти домой. Соросите, почему? Долго объяснять. Но было нужно. Бросить Марину одну — свиство, хотя и ее видеть не хотелось. Но это к делу и отослать к борюче, некуда идти дорожке, что подлиннее. Вруг — выстрел, отгнанный, вытоснотый. Думаю, Матвей...

— Вы знали, что у Филиппова есть карабин? — Уточил Мазин.

— А что я собираю меня. Думаю, Матвей, но вспоминаю, что егеря-то в район сбросил. Кто же палил? Матвей — мужик сердитый, не дай бог его оружие в руки влетит. Поостережись вы, как у него такая кровавая налязает! Ну, я пошел на выстрел.

— С осторожностью или напрямик?

— Выслеживать не собираюсь.

— И что же?

— Уточил Мазин. — Уточил Мазин на старика. Ускажывается на осла, в руке карабин.

— Что он сказал? — нетерпеливо спросил Соновский.

— Ничего он мне не сказал, потому что я ничего не спрашивал.

В словах Валерия промелькнула неуверенность, сомнение в том, что его правильно поймут.

Тебя не удивило, что стреляет Демьянчик да еще из чужого карабина? — Соновский повернулся к Мазину. — Старик проповедует «не убий» живую тварь, а тут с выстрелом!

— С кем вы? Чья это карабина? Он на ишаке взгромоздился и отгнанный.

— Не заметил вас?

— Я, док, стоял за деревом.

— Кто он, дель карабин?

— Уаа.

— Открыто?

— Разве его спрячешь? Не иголка. В карман не поместится.

— А дальше?

— Пошел домой, тут и узнал, что стреляли в вас. Снова удивился.

— Кто вам сказал?

Валерий усмехнулся непонятно.

— Кушнер сообщил.

— Итересно, с какой целью?

— Не ведаю. Губокомысленно глел, с подходами и намеками.

— Не то назвал?

— Мена подорывает.

— Не горячитесь, Валерий! В такой запутанной ситуации можно заводоросить кого угодно: Кушнера вас, вы — пасечника.

— Я видел его с карабином. Больше я ничего не скаала. А ко его подорываю — дело мое.

— Напрасно ты не подошел к нему. Возможно, он объяснил бы свое поведение, — скаала Борис Михайлович.

— Хотел бы послушать.

— Возможно и такой вариант, — предположил Мазин. — Стрелял не Демьянчик, а... ну, например, Выстрелил и бросил вытоску на троне. Пасечник проезжал и увидел ее.

— Скаже предание, но вернется с грузом.

— Значит, вы допускаете, что Демьянчик мог стрелять. Не утверждаете, но допускаете. Почему? Известно, что пасечника не берит в руки оружие, что он стар и, вероятно, не такой уж дикой человек, наконец, у него нет видимых оснований желать моей смерти. Это говорит в пользу Демьянчика, не так ли? И аскажи вы допускаете противоположное. Повторю, почему? Есть ли у вас какие-то еще неизвестные нам с Борисом Михайловичем основания? Или вас асажили предание с немком и подоросил Кушнера, вы невинчательно губите людей.

Валерий покчал верхнюю губу.

— А вы из протасок, док. Но, может быть, именно вы прокурор? Что-то вы в нашей беседе на острого.

— Не правится мне это. Я сам к вам пришел.

— Важно только, зачем вы пришли и с чем.

— С чем, я выхожу. А вот зачем, ответить трудно. Потому что у вас мне симпатичны, и я не хочу, чтобы вас подстрекали.

— Спасибо. Уверен, что в вашей иронии есть доля серьезного. Но не все вы скаали. Что-то еще у вас на душе осталось.

— Да, док... загадка. Особенно славян-

ская. Оставим ее. И пасечника тоже. Нет у меня сил против него. Но он мне не нравится. Финин.

Он круто повернулся на каблуках, ставши на одну ногу, приспав, припадкой и продохом, и вышел из домика.

— Омозональный юноша. — проговорил Игорь Николаевич, раздумывая. — Старика он подворонит. И не подождет к нему в лесу, потому что высидит его, жалея и не нравиться ему это слово. А зачем было следить, если он не знал, что стреляли по человеку? Не знал? Мог и не знать. Такие ребята легко заводятся. Но игрица, которую он нам подбросил. Но как его ситкенизируют? Может быть, в самом деле спросить у Демьяна?

— Постой. А что являл Валерий об ограждении?

— Это от побоя воображения. Сначала предостерег, потом говорит, зайдя! Неполододостер. Однако являл придется. Не поймаю, а если было тактично с собой разбой.

Пасечник увидел Маэна в окошко и гостеприимно распахнул дверь.

— Решилишь, Игорь Николаевич?

— Событиями же.

— Чаяк готов. Он у меня всегда готов. Присаживайтесь.

— Как самота, Демьян?

— Великоваты самота, а вот самота, Портини подворнаты приходятся. Не будет ни неволно, если я их окрего уступлю? Нога у него побольше.

Сторик взялся неторопливо, и ничего в его поведении не подтверждало подозрений Валерия, разве что желание угодить, да и в том неадекватно было удлиняться, скорее чувствовалось хорошее отношение к себе.

Выходят, не продвинулось расследование, Игорь Николаевич?

— Расследование? Это мы, Демьянчик, громко слышим. Расследовать анализ будет сам Борисом Михайловичем помочь хотели по возможности, да покажутся пока нечем.

— Може, оно и к лучшему, Игорь Николаевич. Дело заборонено, а не заборонено, а если результата нет, значит, на худой конец и пуляны нет, ошники нету.

Маэна улыбнулся.

— Кто ничего не делает, тот на крайней мере не ошибается.

— Попроче беру. Себя вижу, наговорил нам лишнего.

— Лышнее?

— Именно. Про Валерия.

— Почему так строго, Демьян?

— Потому уж бесхитросто сказать, от обиды вышло, Игорь Николаевич. Плохой советчик — обиды.

— Чем он вас обидел?

Пасечник похула на горячий чай.

— Да ничем другим и не обидял. Скорее видимость одна. Человек так угрюм: составит мнение и поверит, горе одно!

— Он почти одинаково признается во взаимной антипатии?

— Как сказал — Цитерон, горе порождается не природой, но нашими мнениями?

— Очень верно, Игорь Николаевич. Запомнить такие слова хочется. Мнение — важный продукт. И у меня своя гордыня, если не заслуженный художник и ничем не знаменитый, а человек простой, трудящийся, но любящий, чтобы меня люди уважали. Тщеславие такое. Близко и с людьми общаться, никто не жалуется, а вот Валерий, чувствую, против меня настроен. Зла не делает, но в шутках, насмешках проявляет. То обстановка обводит, то одиночеством. А какой еще одиночеством, если он какой-то пасекой моту? Неодобрый он, Игорь Николаевич. Отцу завидовал, а это нехорошо. И насчет супруги его вел себе неистовство. Врать я не умею. И не люблю лгать, а было. А говорить не следовало. Переступать все, а я вроде был мичу, советую. Потому повторно вас пропшу: слышнее можно до следствия не доводить.

— Напрасно беспокоите, Демьянчик.

— Успокойте, Игорь Николаевич, успокойте. А то я заметил, изменился был с утра.

— Яму не откажешь в наблюдательности!

— В самом деле?

— Сдержаннее стали, послушнее.

— Старик истинный, я за этим не одню люблю. Однако уж карабинчик слова. Впрочем, если он не знает, что в меня стреляла, зачем ему говорить об этом?

— С утра кое-что произошло, Демьянчик. В меня стреляли.

Маэна сделал паузу, а пасечник острожно

постоял на стол блюдце с медопитым чаем и вытер губы.

— В нас? Не ожидал. Как же это произошло?

— Я стоял у окна в домике на оере, — начал Маэна рассказ, спросил: — Как вам моя история показалась?

Ответ последовал фаталистический:

— Да раз возникло, Игорь Николаевич, смертельное, так что подкасают! Кто такое начал, тогда не останавливай, пока он цели своей не добьется или, наоборот, шею не сломают.

— Целью-то чем?

— Прежде всего, главу, как показало Мазину, синхронистелью.

— Не знаю, Игорь Николаевич. А мы?

И он принялся наливать себе чай. Не в чашку, а прямо в блюдце, очень крепкий чай из заварочного чайника. Густого, ароматного настоя.

— Есть у меня, Демьянчик, записка для поиска. Пули. Нужно выяснить, у кого здесь карабин имеется.

Пасечник поднес блюдце к губам и примчком, раскусывая во рту кусочек сахара.

— Трудно это составит, Игорь Николаевич. Секреты ахметие на виду. От своих не скроются. Тесновато.

— И вы знаете?

— Знаю, да и без меня вам его фамилия известна.

— Подгадываю, — согласился Маэна.

— Но не Матвей я вас стрелял. Потому что не такой он парень, чтобы карабин в руку бросить.

— Бросить?

— Именно. Причилось мне той тропкой ехать утречком. Глажу — стоит шивитка, к дереву прислонился. Висюлька.

«Прислонившаяся к дереву! Любопытная акуратность».

— Что же вы с ней сделали?

— Это Матвей? Отца Матвей?

Мазину стало досажать. Подтвердилась простая и бесплодная версия. Похожая на мираж, пропавший заманчиво по горизонту. Филиппине не стрелял, Валерий не стрелял, Демьянчик тоже. Остался Олег и Кушнерев. Впрочем, почему он сился проехать тропкой? Матвей мог пожертвовать карабином, чтобы отвести от себя внимание стрелы. Валерий мог пойти оружием на пути пасечника и наблюдать на кустов, как тот среагирует. Да и сам Демьянчик...

— Откуда ж мне было знать, что из этого путника был прислонился? Вот и достал голову. Эхей чайку попить?

Маэна поднул пустой стакан.

— Налейте. Вы здесь, значит, обитатель не постоянный.

Временный. Давно подкормиться вылез.

— Калугинаиче человек?

— Что вы? — начала головой пасечник, списывая к простодушью собеседника. — Откуда мне такого человека знать? В Тригорске по случаю пришлось познакомиться. Медок у меня Михаил Михайлович брал. Он там в санатории лечился. Поправился ему мед, бесновать стали.

Он поговаривал чужд сюда на лето вынозится. Место тут подходящее. И народ любознательный.

— А вы любите наблюдать за людьми?

— Есть гурь, Игорь Николаевич.

— Исследуете, Демьянчик?

— Да о полюбившие мы с вами уже рассказывали и о Валерии с Мариной Викторовой. А других вы сами знаете: друг ваш Борис Михайлович, Филиппине — лыхой человек.

— Лыхой?

— Отчаянный. Не уважаю и людей, которым живушка тварь жизни ничего не стоит. Матвей не переживет. Осудите и Матвей могут, а переладать не в силах. Если уж природа подгаляла характер, с тем и померещ. Горячий гурь, общипанный, непростительности, а уж такой естел же обери у него карабин — другой заводят, а стрелять не перестает.

— И по людям может?

— Охота же вы и человекоубийство! — вещи разный.

— Несомненно. А что про Олега скажете? С издедкой всего как в поселке объявлял.

Замкнувший парень. Гордон. С чего бы это, Игорь Николаевич, молость такая?

— И Олег вам таким показался?

— Не скажу. В себе парень. Что-то ищет, рыщет.

— Он искал самолет, который обнаружил Филиппине.

— Да вы и почесал зудой, покрытый короткими, выщипанными волосами затылок.

— Зачем ему самолет?

— Он журналист, хочет написать о погибшем летчике.

— Вот оно что... Ну вроде я вам обо всех рассказывал.

— Про Кушнерева не говорил.

— Потому про него слаже? Выказанный друг считался...

«Считался... казался... вроде бы...» А на самом деле? Кто есть кто в действительности? Отцом думал Маэна, возвращаясь от пасечника.

Сосновский холябинчал. В него теснилось энергичное пламя. Стало тепло и уютно. Пахло жареным мясом.

— Нет порывало Демьян?

— Ларчик просто открывался.

— Ты поверил?

— Сами не знали.

— Забавно, Игорь, получается. Знаменитый сыщик в тулупе! Ты мне Печерина напоминания. Из «Тамани». Поминши, как его контрабандисты ослепляли.

И приключить хотели.

— Вот это не смешно. Значит, ничего из старика не вытну?

— Определенно нет. Пожалуй, несколько изменилось мое отношение к нему.

— В какую сторону?

— Если говорить упрощено, оно ухудшилось. Старик не такой добродушный, какой хотел представить. Он никого не подворонит и неветки не удержался, о каждом скажет такое, что может при случае насолиться на тот или иной факт, сохотеть неприятное впечатление.

— Вы так доверчивы?

— Вряд ли. У него не было необходимости покусаться на Калугинаиче вторично, убивать тоже вроде неважно. История с карабином правдоподобна.

— Кого же подворонит?

— Пока и всех считаю невиновными.

— Обидно, что мы ничего не выяснили до приезда Валерия. Даве то, что убил Калугина тот же тип, что стрелял в тебя, по существу, не доказано.

— Меня другое тревожит. Боясь очередного кровопролития, а не знаю, как себя представить. Мне, как Архипову, не хватает рычага. Если б ты знал, почему хотели убить меня!

— Ты опасаи?

— Чем? Кручею по поселку? Это же мало для убийств. Убивать меня имеет смысл только в одном случае: если я навал на след, если получил преимущество в поединке, если противник попал в бесплодное положение. Только в этой ситуации любовь риск оправдан! Но я не вижу в своей позиции никаких, даже элементарных преимуществ.

— Ты видишь, видишь он.

— Находите в приятном заблуждении?

— Не очень-то приятно. А что касается заблуждения... Не прогладил ли мы чужое? Не влезли ли в авиацию с женой и ребятами?

— Что-то не заметили, не оценили. А преступник думает, что оценили.

Маэна входил по комнате.

— Не забудь, конечно, невозможно, но это мысль. Нужно пересмотреть каждый шаг, каждую мелочь.

— Тигри! Оре! Стол не опрокин.

— Телу у тебя. Борам.

— Я ж и рассчитывал на взлет твоей неукротимой энергии. Думал, отдохать человек едет. Будет на коечке ползать с книжкой, рыбкой.

— А и на водку побуду, подыму, подумаю на мороние.

— Смотри не простудись. По-моему, ты уже сопишь.

— Есть немного. Нужно платок взять, встать. А то я калугинский аташачи наместился.

Игорь Николаевич показал выщипанный в краске платок.

— Он не на мастеровой. Ты знал его в бытность на оере, когда я перевалил твоим платком.

— В самом деле? Не обратил внимания. Да, вспомнил, он валялся на койке, где лежал Валерий.

Конец первой части.

Перед вами последний номер журнала за 1970 год. Состоится двадцать четыре встречи с читателями. Удалось ли нам удовлетворить разносторонние запросы молодежи — судить самим читателям. Отчитывались мы самыми номерами, журналы по традиции в конце Нового года делаются своими планами на будущее.

ИТАК, «СМЕНА»-71

Главное внимание журнал уделит подготовке к XXIV съезду КПСС, прокламации его решений, которые откроют новые горизонты в жизни и борьбе всего советского народа. «Смена» рассчитана главным образом на работающую молодежь и поэтому считает своей важнейшей задачей помочь молодым труженикам в определении своего места в общенародной борьбе за осуществление предначертаний партии.

Труд молодого рабочего наполняется высоким смыслом, если он ясно представляет себе его цель, если действиями рабочего руководит глубокие знание основ марксистско-ленинской теории. Журнал продолжит беседы с партийными руководителями, будет постоянно публиковать статьи видных ученых, познакомит молодых читателей с коммунистами, чья жизнь может служить примером, расскажет о тех, кто из рук старших принял эстафету преобразователей, — очерки о них читайте под рубрикой «Комсомольский характер».

Становление молодого рабочего в условиях научно-технической революции постоянно рождает новые проблемы, которые «Смена» намерена исследовать. Этим обстоятельством подсказаны рубрики «Современное производство: труд и личность», «Рабочая трибуна».

Семиналистские... Какие они? Как работают, что любят, ценят? На эти вопросы и ответит новая рубрика «Рабочий в 17 лет».

«Старым» векам издали западносибирские нефтяные и газовые месторождения. В материалах «Экспедиция «Смена» редакция расскажет о томских и томиных месторождениях, о героиче новострое, о молодых ученых и рабочих, осваивающих природные богатства.

Третий год неизменным успехом у читателей пользуется «Берегзор современника» — своеобразные диалоги журналистов с учеными, общественными деятелями, мастерами литературы и искусства, кадрами рабочих. Читатели могут сами назвать имена интересных людей, с которыми они хотели бы познакомиться на страницах «Смены».

Проблемы взаимоотношения человека и закона не первый год волнуют журнал. Под рубрикой «Закон и ты» выступают известные публицисты, юристы, комсомольские работники. Большой интерес вызывает у читателей материалы рубрики «Воспитание чувства». Редакция намерена последовательно продолжать разговор о нравственности, о молодой семье, о подготовке молодых людей к браку. Приглашаем выступить писателей, журналистов, мы охотно предоставим слово и нашим читателям.

Военная тема остается одной из главных в «Смене». «Беседы о современной армии», «Военное обозрение», «Братство по оружию» — вот неполный перечень разделов и рубрик этой темы. В новом году в разделе «ЮдАСОАФ» работа будет найдена немало материалов о работе этого массового патристического объединения.

Год 1971-й для советских спортсменов особенный. Зимние и летние спартакиады народов СССР всегда считались крупнейшими состязаниями

ми мирового масштаба, не останавливаясь по своему размаху олимпийскими играми. Так будет и в предстоящих событиях и проблемах, связанных с IV Спартакиадой народов СССР. Читатель узнает из наших публикаций.

Начнутся занятия на «Стадионе «Смена». Опытные консультанты проведут с читателями уроки по основам физической культуры.

Наука в наш дни стала непременной производительной силой. Горизонты, которые она открывает перед обществом, необозримы. Многие ее начертания предстоит превратить в жизнь нашим сегодняшним читателям. О современных достижениях наук, об успехах кибернетики, электроники, о проблемах физики и химии, о биологии и космических исследованиях расскажем видные советские ученые и журналисты.

В новом году начнется кампания, равной которой еще не было в истории международного молодежного движения. Акция «Юность объединяет империализм» будет проведена Всемирной Федерацией Демократической Молодежи на всех континентах земного шара.

«Смена» представит свои страницы обманчивым выступлением молодых по делу «преступника № 13» империализма, расскажем об их борьбе против «арбата в эпоху электроники», царящего на капиталистической конвейере XX века, опубликуем репортажи из «огненных точек планеты», где с оружием в руках становится новым и старый мир.

В 1971 году фотоискусство репортажи журнала расскажем о творческой работе молодежи страны, встречающей XXIV съезд партии ударным трудом, о зарывающих разносторонними и томиных нефтяниках, о молодых полнриках и заводских дирижерах столицы. Фотография поведет вас в мир самых разнообразных профессий, поведет о новых успехах нашей необъятной страны в рубрике «Красота родной земли».

«Смена» — журнал литературно-художественный. Наш авто А. Адамов заканчивает повесть «Угол без стены», где читатели вновь встретятся с Сергеем Королуновым и его друзьями, В. Ишимов и А. Лукин работают над продолжением повести «В тишине, перед грозою». А. и С. Абрамовы пишут для «Смены» новый фантастический роман. Новые произведения обещали передать в журнал писатели П. Баргаз, А. и Г. Вайнеры, Ю. Семенов, Е. Парнов.

Молодость дружит с поэзией. «Смена» постоянно знакомит читателей с молодыми талантами в разделе «Первая встреча с поэтом».

«Мастерская» — так называется новая рубрика отдела литературы, где ведущие мастера поэмы и поэмы будут выступать с профессиональным разговором о тайнах творчества, — это будет своеобразный курс учебы для начинающего литератора.

В серии «Силуэты» журнал опубликует литературные портреты Н. Г. Чернышевского, М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, написанные советскими прозаиками, поэтами и критиками.

В разделе искусства читатели нашего журнала ждут встречи с молодыми мастерами театра и кино, живописи и графики, музыки и эстрады.

...

Такой мы представляем себе «Смену 1971 года. Однако в самые четкие планы жизнь вносит свои поправки. Много новых интересных адресов, тем журналистских командировок подсказывает ежедневно читательская почта. Заинтересованный читатель — самотвор материалов «Смены». Ждем ваших писем, дорогие читатели!

Премии «Смены» за 1970 год присуждены:

Виктору АБАШИНУ, Галине РЕЖАБКЕ	— за беседу «Я часть великой армии труда»	№ 8
Анатолию АГАМИРОВУ	— за статью «Конкурс»	№ 11
Игорю ВОРОБЬЕВУ	— за цикл юмористических рисунков	№ 4
Валентине КЛОЧКОВОЙ	— за статью «Факел Лазор»	№ 20
Ларисе ЛАТЫНИНОЙ	— за очерки «Начало», «У спорта нет конца»	№№ 13—14
Станиславу МЕЛЕШИНУ	— за повесть «Гром спит в колоколах»	№№ 23—24
Евгению МЕСЯЦЕВУ	— за цикл бесед «Боевое братство»	№№ 3, 4, 11
Мириславу МУРАЗОВУ	— за серию фотоматериалов	№№ 5, 11, 17, 18
Родиону РЕБАНУ	— за рассказ «Зеленая кровь весны»	№ 11
Владимиру САВЕЛЬЕВУ	— за подборку стихов	№ 22

Виктор Абашин

Анатолий Агамиров

Игорь Воробьев

Валентина Клоchkова

Лариса Латынина

Станислав Мелешин

Евгений Месяцев

Мирислав Муразов

Родион Ребан

Галина Режабек

Редакция также отмечает материалы следующие авторы: **Вячеслав ВАЛЕВА** — «Песни против» (№ 5), Тамара **КЛАТОВСКОЯ** — «Откажись лютю влюбленосту» (№ 22), Валерия **КАРАСЕВА** — иллюстрации к повести «Долгая ночь Осеней» (№№ 19—21), Лили **ОСИПОВА** — «День был без числа» (№ 18), Анастасия **СОБОЛЕВА** — «А потом был мир» (№ 19), Владимир **СМОЛОВА** — переводы стихов молодых туземских поэтов (№ 16), Мария **СУМНИКО** — «Судьба футбол в Бразилии» (№№ 1—3), Владимир **ЧЕРНИХОВ** — «Ураганное небо» (№ 15).

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Подведены итоги нашей XIII шахматной олимпиады. В шести турах этак молодежи замечательных заочных соревнований приняли участие 7 200 читателей. По результатам классификационных турниров исследовано 2 432 начальных шахматных положения, удовлетворены разрядов.

В нарядом из шести туров можно было набрать по 20 баллов, однако никому из участников не удалось получить абсолютно лучшего результата. Отличная работа участников, жюри прежде всего обращено внимание на ответы, содержащие тщательные, многократные анализы и целесообразные критические замечания.

Кто же отличился в заочном читательском шахматном марше «Смены»? Вот имена пяти лауреатов VIII олимпиады:

Первое и второе места разделили Юрий **Маяков**, голор из поселка Чулым, Алтайского района, Якутского АССР, и Владимир **Степаненко**, инженер из подмосковного города Люблино. Объем победителям присужден по 116 баллов из 120 возможных.

Третье место со 114 баллами занял Дмитрий **Госенин**, сотрудник газеты из районного поселка Топкач, Алтайского края.

Четвертое и пятое места, набрав по 111 баллов, разделил **Виктор Пятченко**, шахтер из поселка Люковка, Омгирского района, Приморского края, и Иван **Сиярафин**, инженер из Москвы.

Все пятеро награждены дипломами, библиотечной шахматной литературой и фотокорректурная чемпиона мира Бориса **Славского** из авторского гробовщика.

За успешное и активное участие в олимпиаде (чемпионы также читателям нашего журнала: С. Алешин (Чебоксары), Ю. Белкин (Рязань), И. Ренченко (Москва), В. Басильев (Владивосток), В. Гребешов (поселок Середна, Пензенской области), В. Кибирский (Курган), Ю. Ладан (Москва), А. Лобанов (Ставрополь), В. Осмаев (Свердловск), Ю. Освоина (Томск), Волгоградской

области), И. Пармоенико (Винница), Р. Турдаевце (село Мурваллева, Макинского района, Делигордской области), С. Сабатов (Москва), О. Сузов (Варна), Вольфганг Рауш по волеизъявлению юности в турниры олимпиады провели в. Толочников (Чебоксары, Чувашской области), Г. Тоболкина (Тесулийск, Приморского края), М. Турция (Иркутская область), И. Вурталь (Винница), С. Рамалзаева (Врасово) и другие товарищи. Например, в 17 турнирах «Смены», организованных в Чебаруле, в. Толочниковым, опубликовали свои силы 313 читателей шахматного. Приблизительно половина из них стала спортсменами-разрядниками.

Редакция «Смены» и жюри благодарят читателей, принявших участие в замечательнейшей олимпиаде, и раскланею ее победителям, приглашая всех желающих на старте нашей XIV шахматной олимпиады, которую предполагаем начать в одном из первых номеров «Смены» 1971 года.

Приводим краткие ответы на заключительные разлады олимпиады.

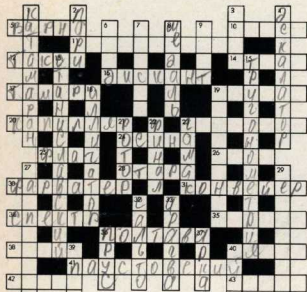
ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР. Задача. Даны два числа: $1 \cdot K \cdot 2 \cdot K^2 \cdot 3 \cdot K^3 \cdot 4 \cdot K^4 \cdot 5 \cdot K^5$

1. $K \cdot 4 \cdot 1$ Этюд. — 1. Лаб КР8 2. Лаб Фс3 3. Лаб Л4 4. Фс3 б3 5. Лаб Г6 6. Лаб Фс7 7. Лб7 8. Кр: б7 9. Лб7 Г3 3. Кс5 Ф1 Ф 4. Г1 Ф1 2. Лб7 7. сб1 8. Кр7 9. с7 КР7 9. КР8 КР7 10. КР2 КР6 11. Лс3 (-). Мы правы: 1. ...Лаб2 2. сВ3 Кс3 3. КР1 Л1 Г21 4. Кр: Г2 сВ 6. Ф-ц2 Л1б 6. Ф: сВ+ 4. Ф: сВ- 7. Кр: сВ3 Фз3 8. Кр2 С14+ 9. сВ1 Фз1 Кс4 2. Лабд4 Л1б5 3. Л1б2 Л1б3+ 4. Кр1 Л7 5. Л1б1 Л7 6. Кр2 Лб7 7. Л1б Кр7 8. сВ8+ Л1б Л7 (-).

ПЯТЫЙ ТУР. Задача. — 1. Лаб1 д4 2. Лаб б4 3. Кр: КР8 4. сВ 4. сВ 4. сВ. Этюд — 1. КсВ Ф3 2. Кс11 3. Л4 КР1 4. КР1 С17 5. Кр1 С17 6. Кр: С17 7. Кр1 С17 8. Кр1 С17 9. Кр1 С17 10. Кр1 С17 11. Кр1 С17 12. Кр1 (-). Из правят: — 1. Лс1 2. Лс2 (-). Компьютерное задание — 1. Ф1 С15 2. Лс2 Сс4 3. 1. Кр: Кр7 2. Л1б7+ 3. Кр: Л1б7 4. Фс7+ 5. Кр: сВ 8. Л1б7+ 6. Кр7 7. Кр7+ 8. Кр7 8. Кр7 9. Лс1 10. Фс7 11. Кр: Л1б7+ 12. Кр7 13. Кр7 14. Кр7 15. Кр7 16. Кр7 17. Кр7 18. Кр7 19. Кр7 20. Кр7 21. Кр7 22. Кр7 23. Кр7 24. Кр7 25. Кр7 26. Кр7 27. Кр7 28. Кр7 29. Кр7 30. Кр7 31. Кр7 32. Кр7 33. Кр7 34. Кр7 35. Кр7 36. Кр7 37. Кр7 38. Кр7 39. Кр7 40. Кр7 41. Кр7 42. Кр7 43. Кр7 44. Кр7 45. Кр7 46. Кр7 47. Кр7 48. Кр7 49. Кр7 50. Кр7 51. Кр7 52. Кр7 53. Кр7 54. Кр7 55. Кр7 56. Кр7 57. Кр7 58. Кр7 59. Кр7 60. Кр7 61. Кр7 62. Кр7 63. Кр7 64. Кр7 65. Кр7 66. Кр7 67. Кр7 68. Кр7 69. Кр7 70. Кр7 71. Кр7 72. Кр7 73. Кр7 74. Кр7 75. Кр7 76. Кр7 77. Кр7 78. Кр7 79. Кр7 80. Кр7 81. Кр7 82. Кр7 83. Кр7 84. Кр7 85. Кр7 86. Кр7 87. Кр7 88. Кр7 89. Кр7 90. Кр7 91. Кр7 92. Кр7 93. Кр7 94. Кр7 95. Кр7 96. Кр7 97. Кр7 98. Кр7 99. Кр7 100. Кр7 101. Кр7 102. Кр7 103. Кр7 104. Кр7 105. Кр7 106. Кр7 107. Кр7 108. Кр7 109. Кр7 110. Кр7 111. Кр7 112. Кр7 113. Кр7 114. Кр7 115. Кр7 116. Кр7 117. Кр7 118. Кр7 119. Кр7 120. Кр7 121. Кр7 122. Кр7 123. Кр7 124. Кр7 125. Кр7 126. Кр7 127. Кр7 128. Кр7 129. Кр7 130. Кр7 131. Кр7 132. Кр7 133. Кр7 134. Кр7 135. Кр7 136. Кр7 137. Кр7 138. Кр7 139. Кр7 140. Кр7 141. Кр7 142. Кр7 143. Кр7 144. Кр7 145. Кр7 146. Кр7 147. Кр7 148. Кр7 149. Кр7 150. Кр7 151. Кр7 152. Кр7 153. Кр7 154. Кр7 155. Кр7 156. Кр7 157. Кр7 158. Кр7 159. Кр7 160. Кр7 161. Кр7 162. Кр7 163. Кр7 164. Кр7 165. Кр7 166. Кр7 167. Кр7 168. Кр7 169. Кр7 170. Кр7 171. Кр7 172. Кр7 173. Кр7 174. Кр7 175. Кр7 176. Кр7 177. Кр7 178. Кр7 179. Кр7 180. Кр7 181. Кр7 182. Кр7 183. Кр7 184. Кр7 185. Кр7 186. Кр7 187. Кр7 188. Кр7 189. Кр7 190. Кр7 191. Кр7 192. Кр7 193. Кр7 194. Кр7 195. Кр7 196. Кр7 197. Кр7 198. Кр7 199. Кр7 200. Кр7 201. Кр7 202. Кр7 203. Кр7 204. Кр7 205. Кр7 206. Кр7 207. Кр7 208. Кр7 209. Кр7 210. Кр7 211. Кр7 212. Кр7 213. Кр7 214. Кр7 215. Кр7 216. Кр7 217. Кр7 218. Кр7 219. Кр7 220. Кр7 221. Кр7 222. Кр7 223. Кр7 224. Кр7 225. Кр7 226. Кр7 227. Кр7 228. Кр7 229. Кр7 230. Кр7 231. Кр7 232. Кр7 233. Кр7 234. Кр7 235. Кр7 236. Кр7 237. Кр7 238. Кр7 239. Кр7 240. Кр7 241. Кр7 242. Кр7 243. Кр7 244. Кр7 245. Кр7 246. Кр7 247. Кр7 248. Кр7 249. Кр7 250. Кр7 251. Кр7 252. Кр7 253. Кр7 254. Кр7 255. Кр7 256. Кр7 257. Кр7 258. Кр7 259. Кр7 260. Кр7 261. Кр7 262. Кр7 263. Кр7 264. Кр7 265. Кр7 266. Кр7 267. Кр7 268. Кр7 269. Кр7 270. Кр7 271. Кр7 272. Кр7 273. Кр7 274. Кр7 275. Кр7 276. Кр7 277. Кр7 278. Кр7 279. Кр7 280. Кр7 281. Кр7 282. Кр7 283. Кр7 284. Кр7 285. Кр7 286. Кр7 287. Кр7 288. Кр7 289. Кр7 290. Кр7 291. Кр7 292. Кр7 293. Кр7 294. Кр7 295. Кр7 296. Кр7 297. Кр7 298. Кр7 299. Кр7 300. Кр7 301. Кр7 302. Кр7 303. Кр7 304. Кр7 305. Кр7 306. Кр7 307. Кр7 308. Кр7 309. Кр7 310. Кр7 311. Кр7 312. Кр7 313. Кр7 314. Кр7 315. Кр7 316. Кр7 317. Кр7 318. Кр7 319. Кр7 320. Кр7 321. Кр7 322. Кр7 323. Кр7 324. Кр7 325. Кр7 326. Кр7 327. Кр7 328. Кр7 329. Кр7 330. Кр7 331. Кр7 332. Кр7 333. Кр7 334. Кр7 335. Кр7 336. Кр7 337. Кр7 338. Кр7 339. Кр7 340. Кр7 341. Кр7 342. Кр7 343. Кр7 344. Кр7 345. Кр7 346. Кр7 347. Кр7 348. Кр7 349. Кр7 350. Кр7 351. Кр7 352. Кр7 353. Кр7 354. Кр7 355. Кр7 356. Кр7 357. Кр7 358. Кр7 359. Кр7 360. Кр7 361. Кр7 362. Кр7 363. Кр7 364. Кр7 365. Кр7 366. Кр7 367. Кр7 368. Кр7 369. Кр7 370. Кр7 371. Кр7 372. Кр7 373. Кр7 374. Кр7 375. Кр7 376. Кр7 377. Кр7 378. Кр7 379. Кр7 380. Кр7 381. Кр7 382. Кр7 383. Кр7 384. Кр7 385. Кр7 386. Кр7 387. Кр7 388. Кр7 389. Кр7 390. Кр7 391. Кр7 392. Кр7 393. Кр7 394. Кр7 395. Кр7 396. Кр7 397. Кр7 398. Кр7 399. Кр7 400. Кр7 401. Кр7 402. Кр7 403. Кр7 404. Кр7 405. Кр7 406. Кр7 407. Кр7 408. Кр7 409. Кр7 410. Кр7 411. Кр7 412. Кр7 413. Кр7 414. Кр7 415. Кр7 416. Кр7 417. Кр7 418. Кр7 419. Кр7 420. Кр7 421. Кр7 422. Кр7 423. Кр7 424. Кр7 425. Кр7 426. Кр7 427. Кр7 428. Кр7 429. Кр7 430. Кр7 431. Кр7 432. Кр7 433. Кр7 434. Кр7 435. Кр7 436. Кр7 437. Кр7 438. Кр7 439. Кр7 440. Кр7 441. Кр7 442. Кр7 443. Кр7 444. Кр7 445. Кр7 446. Кр7 447. Кр7 448. Кр7 449. Кр7 450. Кр7 451. Кр7 452. Кр7 453. Кр7 454. Кр7 455. Кр7 456. Кр7 457. Кр7 458. Кр7 459. Кр7 460. Кр7 461. Кр7 462. Кр7 463. Кр7 464. Кр7 465. Кр7 466. Кр7 467. Кр7 468. Кр7 469. Кр7 470. Кр7 471. Кр7 472. Кр7 473. Кр7 474. Кр7 475. Кр7 476. Кр7 477. Кр7 478. Кр7 479. Кр7 480. Кр7 481. Кр7 482. Кр7 483. Кр7 484. Кр7 485. Кр7 486. Кр7 487. Кр7 488. Кр7 489. Кр7 490. Кр7 491. Кр7 492. Кр7 493. Кр7 494. Кр7 495. Кр7 496. Кр7 497. Кр7 498. Кр7 499. Кр7 500. Кр7 501. Кр7 502. Кр7 503. Кр7 504. Кр7 505. Кр7 506. Кр7 507. Кр7 508. Кр7 509. Кр7 510. Кр7 511. Кр7 512. Кр7 513. Кр7 514. Кр7 515. Кр7 516. Кр7 517. Кр7 518. Кр7 519. Кр7 520. Кр7 521. Кр7 522. Кр7 523. Кр7 524. Кр7 525. Кр7 526. Кр7 527. Кр7 528. Кр7 529. Кр7 530. Кр7 531. Кр7 532. Кр7 533. Кр7 534. Кр7 535. Кр7 536. Кр7 537. Кр7 538. Кр7 539. Кр7 540. Кр7 541. Кр7 542. Кр7 543. Кр7 544. Кр7 545. Кр7 546. Кр7 547. Кр7 548. Кр7 549. Кр7 550. Кр7 551. Кр7 552. Кр7 553. Кр7 554. Кр7 555. Кр7 556. Кр7 557. Кр7 558. Кр7 559. Кр7 560. Кр7 561. Кр7 562. Кр7 563. Кр7 564. Кр7 565. Кр7 566. Кр7 567. Кр7 568. Кр7 569. Кр7 570. Кр7 571. Кр7 572. Кр7 573. Кр7 574. Кр7 575. Кр7 576. Кр7 577. Кр7 578. Кр7 579. Кр7 580. Кр7 581. Кр7 582. Кр7 583. Кр7 584. Кр7 585. Кр7 586. Кр7 587. Кр7 588. Кр7 589. Кр7 590. Кр7 591. Кр7 592. Кр7 593. Кр7 594. Кр7 595. Кр7 596. Кр7 597. Кр7 598. Кр7 599. Кр7 600. Кр7 601. Кр7 602. Кр7 603. Кр7 604. Кр7 605. Кр7 606. Кр7 607. Кр7 608. Кр7 609. Кр7 610. Кр7 611. Кр7 612. Кр7 613. Кр7 614. Кр7 615. Кр7 616. Кр7 617. Кр7 618. Кр7 619. Кр7 620. Кр7 621. Кр7 622. Кр7 623. Кр7 624. Кр7 625. Кр7 626. Кр7 627. Кр7 628. Кр7 629. Кр7 630. Кр7 631. Кр7 632. Кр7 633. Кр7 634. Кр7 635. Кр7 636. Кр7 637. Кр7 638. Кр7 639. Кр7 640. Кр7 641. Кр7 642. Кр7 643. Кр7 644. Кр7 645. Кр7 646. Кр7 647. Кр7 648. Кр7 649. Кр7 650. Кр7 651. Кр7 652. Кр7 653. Кр7 654. Кр7 655. Кр7 656. Кр7 657. Кр7 658. Кр7 659. Кр7 660. Кр7 661. Кр7 662. Кр7 663. Кр7 664. Кр7 665. Кр7 666. Кр7 667. Кр7 668. Кр7 669. Кр7 670. Кр7 671. Кр7 672. Кр7 673. Кр7 674. Кр7 675. Кр7 676. Кр7 677. Кр7 678. Кр7 679. Кр7 680. Кр7 681. Кр7 682. Кр7 683. Кр7 684. Кр7 685. Кр7 686. Кр7 687. Кр7 688. Кр7 689. Кр7 690. Кр7 691. Кр7 692. Кр7 693. Кр7 694. Кр7 695. Кр7 696. Кр7 697. Кр7 698. Кр7 699. Кр7 700. Кр7 701. Кр7 702. Кр7 703. Кр7 704. Кр7 705. Кр7 706. Кр7 707. Кр7 708. Кр7 709. Кр7 710. Кр7 711. Кр7 712. Кр7 713. Кр7 714. Кр7 715. Кр7 716. Кр7 717. Кр7 718. Кр7 719. Кр7 720. Кр7 721. Кр7 722. Кр7 723. Кр7 724. Кр7 725. Кр7 726. Кр7 727. Кр7 728. Кр7 729. Кр7 730. Кр7 731. Кр7 732. Кр7 733. Кр7 734. Кр7 735. Кр7 736. Кр7 737. Кр7 738. Кр7 739. Кр7 740. Кр7 741. Кр7 742. Кр7 743. Кр7 744. Кр7 745. Кр7 746. Кр7 747. Кр7 748. Кр7 749. Кр7 750. Кр7 751. Кр7 752. Кр7 753. Кр7 754. Кр7 755. Кр7 756. Кр7 757. Кр7 758. Кр7 759. Кр7 760. Кр7 761. Кр7 762. Кр7 763. Кр7 764. Кр7 765. Кр7 766. Кр7 767. Кр7 768. Кр7 769. Кр7 770. Кр7 771. Кр7 772. Кр7 773. Кр7 774. Кр7 775. Кр7 776. Кр7 777. Кр7 778. Кр7 779. Кр7 780. Кр7 781. Кр7 782. Кр7 783. Кр7 784. Кр7 785. Кр7 786. Кр7 787. Кр7 788. Кр7 789. Кр7 790. Кр7 791. Кр7 792. Кр7 793. Кр7 794. Кр7 795. Кр7 796. Кр7 797. Кр7 798. Кр7 799. Кр7 800. Кр7 801. Кр7 802. Кр7 803. Кр7 804. Кр7 805. Кр7 806. Кр7 807. Кр7 808. Кр7 809. Кр7 810. Кр7 811. Кр7 812. Кр7 813. Кр7 814. Кр7 815. Кр7 816. Кр7 817. Кр7 818. Кр7 819. Кр7 820. Кр7 821. Кр7 822. Кр7 823. Кр7 824. Кр7 825. Кр7 826. Кр7 827. Кр7 828. Кр7 829. Кр7 830. Кр7 831. Кр7 832. Кр7 833. Кр7 834. Кр7 835. Кр7 836. Кр7 837. Кр7 838. Кр7 839. Кр7 840. Кр7 841. Кр7 842. Кр7 843. Кр7 844. Кр7 845. Кр7 846. Кр7 847. Кр7 848. Кр7 849. Кр7 850. Кр7 851. Кр7 852. Кр7 853. Кр7 854. Кр7 855. Кр7 856. Кр7 857. Кр7 858. Кр7 859. Кр7 860. Кр7 861. Кр7 862. Кр7 863. Кр7 864. Кр7 865. Кр7 866. Кр7 867. Кр7 868. Кр7 869. Кр7 870. Кр7 871. Кр7 872. Кр7 873. Кр7 874. Кр7 875. Кр7 876. Кр7 877. Кр7 878. Кр7 879. Кр7 880. Кр7 881. Кр7 882. Кр7 883. Кр7 884. Кр7 885. Кр7 886. Кр7 887. Кр7 888. Кр7 889. Кр7 890. Кр7 891. Кр7 892. Кр7 893. Кр7 894. Кр7 895. Кр7 896. Кр7 897. Кр7 898. Кр7 899. Кр7 900. Кр7 901. Кр7 902. Кр7 903. Кр7 904. Кр7 905. Кр7 906. Кр7 907. Кр7 908. Кр7 909. Кр7 910. Кр7 911. Кр7 912. Кр7 913. Кр7 914. Кр7 915. Кр7 916. Кр7 917. Кр7 918. Кр7 919. Кр7 920. Кр7 921. Кр7 922. Кр7 923. Кр7 924. Кр7 925. Кр7 926. Кр7 927. Кр7 928. Кр7 929. Кр7 930. Кр7 931. Кр7 932. Кр7 933. Кр7 934. Кр7 935. Кр7 936. Кр7 937. Кр7 938. Кр7 939. Кр7 940. Кр7 941. Кр7 942. Кр7 943. Кр7 944. Кр7 945. Кр7 946. Кр7 947. Кр7 948. Кр7 949. Кр7 950. Кр7 951. Кр7 952. Кр7 953. Кр7 954. Кр7 955. Кр7 956. Кр7 957. Кр7 958. Кр7 959. Кр7 960. Кр7 961. Кр7 962. Кр7 963. Кр7 964. Кр7 965. Кр7 966. Кр7 967. Кр7 968. Кр7 969. Кр7 970. Кр7 971. Кр7 972. Кр7 973. Кр7 974. Кр7 975. Кр7 976. Кр7 977. Кр7 978. Кр7 979. Кр7 980. Кр7 981. Кр7 982. Кр7 983. Кр7 984. Кр7 985. Кр7 986. Кр7 987. Кр7 988. Кр7 989. Кр7 990. Кр7 991. Кр7 992. Кр7 993. Кр7 994. Кр7 995. Кр7 996. Кр7 997. Кр7 998. Кр7 999. Кр7 1000. Кр7 1001. Кр7 1002. Кр7 1003. Кр7 1004. Кр7 1005. Кр7 1006. Кр7 1007. Кр7 1008. Кр7 1009. Кр7 1010. Кр7 1011. Кр7 1012. Кр7 1013. Кр7 1014. Кр7 1015. Кр7 1016. Кр7 1017. Кр7 1018. Кр7 1019. Кр7 1020. Кр7 1021. Кр7 1022. Кр7 1023. Кр7 1024. Кр7 1025. Кр7 1026. Кр7 1027. Кр7 1028. Кр7 1029. Кр7 1030. Кр7 1031. Кр7 1032. Кр7 1033. Кр7 1034. Кр7 1035. Кр7 1036. Кр7 1037. Кр7 1038. Кр7 1039. Кр7 1040. Кр7 1041. Кр7 1042. Кр7 1043. Кр7 1044. Кр7 1045. Кр7 1046. Кр7 1047. Кр7 1048. Кр7 1049. Кр7 1050. Кр7 1051. Кр7 1052. Кр7 1053. Кр7 1054. Кр7 1055. Кр7 1056. Кр7 1057. Кр7 1058. Кр7 1059. Кр7 1060. Кр7 1061. Кр7 1062. Кр7 1063. Кр7 1064. Кр7 1065. Кр7 1066. Кр7 1067. Кр7 1068. Кр7 1069. Кр7 1070. Кр7 1071. Кр7 1072. Кр7 1073. Кр7 1074. Кр7 1075. Кр7 1076. Кр7 1077. Кр7 1078. Кр7 1079. Кр7 1080. Кр7 1081. Кр7 1082. Кр7 1083. Кр7 1084. Кр7 1085. Кр7 1086. Кр7 1087. Кр7 1088. Кр7 10

КРОССВОРД

Составили ХАНИМОВЫ,
пос. Татищево
Саратовской обл.

По горизонтали:

5. Курьер в Болгарии. 10. Русский архитектор XIX века. 11. Наука в замкнутости и саморегулировании процессов в организованных системах. 12. Вид городского транспорта. 14. Пьеса А. М. Фадеева. 16. Высокочастотный радиопередатчик «Девон». 19. Часть пристани. 20. Кровеносный сосуд. 23. Опера А. И. Верстовского. 24. Лиственный древесный вид. 25. Знамя. 26. Басня И. А. Крылова. 28. Стало очевид. 30. Сухопутный путь водного пространства. 31. Транспорт, применяемый при сборе машин. 34. Цветная полоса, получаемая в результате преломления луча. 35. Советский художник. 36. Областной центр на Украине. 38. Горная порода. 40. Рена в Казахстане. 41. Автор книги «Золотая рота». 42. Часть реанимационного аппарата. 43. Балльный танец.

**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23**

По горизонтали:

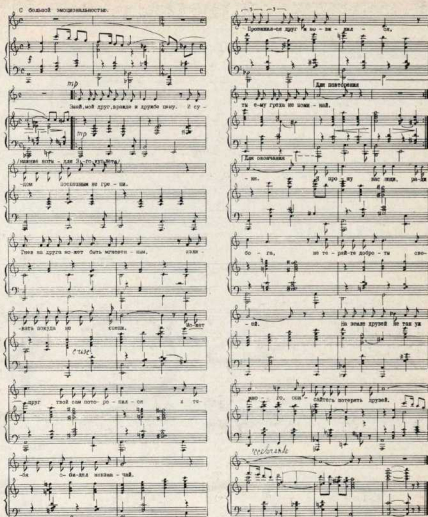
3. Даргомыжский. 8. Крылатый. 9. Огарев. 10. Вальсрод. 11. Узел. 13. Сани. 14. Шахматы. 16. «Севевождение». 18. Актриса. 22. Мята. 23. Барокко. 24. Гадальдо. 27. «Лыбье». 28. «Молодые ныряльщики».

По вертикали:

1. Судно, состоящее из двух корпусов. 2. Комедия С. В. Михалкова. 3. Морская снасть. 4. Движущаяся лестница. 6. Наружная часть колеса. 7. Вид мебели. 8. Высшая награда в спорте и в учебно-воспитательной деятельности. 9. Венгерский пианист, новатор, педагог. 13. Режиссер, народный артист СССР. 15. Раздел математики. 18. Кривошип. 19. Раскраска М. Горького. 21. Вращающаяся часть турбины. 22. Заключительная встреча участников спортивных соревнований. 23. Подвесная сетка для отдачи. 27. Гроб. 29. Скрытие дорог. 32. Прыжки в аэробическом номере. 33. Приют. 34. Муфта. 36. Польский писатель. 37. Декоративное сооружение в виде ворот. 38. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 40. Южное плодородное дерево.

По вертикали:

1. Ершов. 2. Волохова. 3. Усуглов. 4. Одетко. 5. Призыв. 7. Тренев. 12. Деникина. 13. Обитания. 14. «Школа». 15. Амосов. 17. Киссин. 18. Павлов. 20. Радеков. 21. Ильямов. 24. Гусля. 25. «Беседа».

БЕРЕГИТЕ ДРУЗЕЙ

Слова Расула ГАМЗАТОВА
Музыка Павла АЕДОНИЦКОГО

Перевод с аварского Наума ГРЕБНЕВА

Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
И судом поспешны не греши.
Греш на друга может быть мгновеньем,
Издвиг покуда не спеши.

Может, друг твой сам потопорился
И тебя обидел нечаянно.
Принялся друг и повинился,—
Ты ему греха не поминяи.

Люди, мы стареем и ветшаем,
И с теченьем шагнл лет и дней
Легче мы друзей своих тераем,
Обретаем их куда трудней.

Если верный конь, поранне ногу,
Вдруг споткнулся, а потом опять,—

Не вини его, вини дорогу
И коня не старайся менять.

Я иных придерживался правил,
В слабости усматривая зло.
Сколько в жизни я друзей оставил,
Сколько от меня друзей ушло...

И теперь я всех вас видеть жажду,
Несогда любившая меня,
Мною не прощенные однажды
Или не простившие меня.

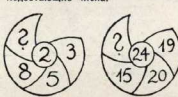
Я прошу вас, люди, ради бога,
Не терятье доброты своей.
На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей.

1. Тремя правыми углами разделите цифровую таблицу на четыре равных углальника, из которых сложен квадрат. В пустую клеточку, образовавшуюся в центре квадрата, впишите число, сложенное по горизонтальным и вертикальным линиям квадрата, для одной и той же суммы. В какое число надо вписать в центр квадрата?

		1	26	44	20		
10	35	4	33	2	27	45	13
42	11	29	9	34	3	28	38
18	36	12	22	47	16	41	21
43	19	37	5	23	48	17	46
				30	6	24	49

2. Установите взаимосвязь между числами в каждой фигуре и впишите недостающие числа.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 23

1.

26 треугольников.

ТАЙНА СНЕЖНОЙ БАБЫ

ДИРЕКТИВ В ДВУХ СЕРИЯХ

ПЕРВАЯ СЕРИЯ "ПОДАРОЧКИ"

ПО-ОБЫЧНОМУ ПО-ОБЫЧНОМУ ХОДИТ ПОДЪЕЗДАТЬ.

ЯКУРЧАВЫЙ ИЗ ЗЛОКОВЕД!

СМОТРИ КАКАЯ КРАСОТЯЦА.

ЕЛОЧНЫЕ БАЗАР

БАК НЕТ

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

НО СКОРЕЙ ДОЖИТАЕШЬ РОДИЛЬНИЦ, НУ НИЧЕГО Я ТЕБЕ ПОМОГУ.

ЭТО СДЕЛАЮ. ТЫ ЕЩЕ НЕДЕЛ ДВА, НО БЛАГО ПОДЪЕЗДАЮТ...

НЕ ВСЕ ЖЕ ТЕБЕ СКАЖУТЬ, А ИНАЧЕ, КОМУЕТЬ КОЛОД СТОИТСЯ.

СТРАННЫЙ ДЕД... ЧТО ЗА ЧУЧЕЛО!

САДЯ! ЕЩЕ ДАР!

ВТОРАЯ СЕРИЯ КРАХ

ПРИВЕТ ДЕДУШКА!

ОЙ, ВНЕЖКА! ТЫ МНЕ ЭТО? СКОЛЬКО ЗИМ...!

ПРИТОМИЛСЯ Я, СЛОВИКО ДЕДУШКА ДЕЛ СЕГОДНЯ СДЕЛАЛА

А ВОТ И КАКИЕ МИЛЫЕ РОЖДЕСТВЕННИКИ: БЫВШИЕ ЖЕН, ДАКОУЩЕ ГОРЬНИЧ И БРАТЦА ВОЛК.

МУ-КОСЬ, БРАТЦА, СДАВАЙ НАМ СВЕЖЕГО ПИВКА ИЗ ХОЛОДИЛЬНИКА!

МОЗОВИЛЬНИК, ОНА ЗЫВЕТОУ ОХЛАЖДАТЬ!

КАК ТАК? А ИЗ ТАЩИ ЕГО СЮДА!

ТЫ ЧТО ЭТО, ДЕД? СКАЖОВАТЬ ЗА ГОРЬНИЧ, ПОПРЕЙ-КА ЕГО!

ВАШЕ СЧАСТЬЕ ДЕЛЕНА ВНЕШНЕ СМЕЮЩИМ ТРАЖИДИМ ДВА ЧУЧЕЛО, ЗА ПЛА НЕГ НЕ СМЕТ...

КАША КВАРТА БИТА СОЛОВЬЕВ-РАЗБОЙНИК!

ВАШЕ СЧАСТЬЕ ДЕЛЕНА ВНЕШНЕ СМЕЮЩИМ ТРАЖИДИМ ДВА ЧУЧЕЛО, ЗА ПЛА НЕГ НЕ СМЕТ...

ВАШЕ СЧАСТЬЕ ДЕЛЕНА ВНЕШНЕ СМЕЮЩИМ ТРАЖИДИМ ДВА ЧУЧЕЛО, ЗА ПЛА НЕГ НЕ СМЕТ...

нарисовал ОЛЕГ ТЕСЛЕР